

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии

Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХУННУ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Владивосток
Дальнаука
2004

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с. ISBN 5-8044-0358-3.

Монография посвящена рассмотрению социальной структуры хуннского общества на территории Забайкалья по данным археологии. Обобщаются результаты статистического анализа погребальных памятников хуннской культуры. Много внимания уделено рассмотрению общественного строя Хуннской державы (209 г. до н.э.–48 г. н.э.) и общетеоретическим проблемам истории кочевого мира.

Книга предназначена для археологов, этнологов-антропологов и историков, специализирующихся в области древней истории Евразии.

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН и Ученым советом Института
монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Работа выполнена при поддержке РФФИ (97-06-96759).

Рецензенты:
к.и.н. Ю.Е. Вострецов
д.и.н. Т.Д. Скрынникова
д.и.н. А.В. Харинский

ВВЕДЕНИЕ

История хунну (сюнну) представляет собой одну из интереснейших страниц истории народов евразийских степей в эпоху древности. На рубеже III-II вв. до н. э. хунну создали первую степную империю, которая объединила многие этносы Центральной Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. В течение двух с половиной веков продолжалось драматическое противостояние между Хуннской державой и южным соседом - Ханьским Китаем. Несмотря на то, что численность Китая в данное время была около 60 млн. чел., тогда как общее количество кочевников в лучшие годы не достигало 1.5 млн. чел., хунну удавалось на равных противостоять Циньской и Ханьской династиям, а также заставить китайцев выплачивать под видом «подарков» крупные платежи шелком, изделиями ремесла и продуктами оседлого сельского хозяйства.

Эта империя возникла примерно в 209 г. до н. э., когда шаньюй (так назывался хуннский правитель) Модэ расправился со всеми внутренними и внешними врагами и объединил все кочевые этносы Центральной Азии. Северные границы империи достигали Байкала, южные упирались в Великую китайскую стену, западные достигали Восточного Туркестана, включая Хакасию, Туву и Алтай, восточные доходили до Хингана и р. Ляохэ.

Можно выделить четыре этапа истории Хуннской державы. Первый этап (209-133 гг. до н.э.) – это время наибольшего расцвета Хуннской державы. В этот период номады практиковали политику чередования набегов и вымогания «подарков» в отношении Китая. Следующий этап (129-58 гг. до н.э.) связан с изменением китайской внешней политики и началом длительной кровопролитной войны между Хунну и китайской династией Хань. Война не принесла победы ни одной из сторон, однако хуннское общество «взорвалось» изнутри. Началась кровопролитная гражданская война. Третий этап (56 г. до н.э. – 9 г. н.э.) – это период мирных отношений между кочевниками и китайцами. Правивший в тот период шаньюй Хуханье постепенно расправился со своими внутренними противниками, принял юридический вассалитет от Китая, за что южане высылали в степь регулярные и намного более богатые чем ранее подарки. Четвертый этап (9-48 гг.) характеризуется очередной сменой внешней политики Китая по отношению к Хунну, из-

за чего возобновилось противостояние между номадами и земледельцами, начались периодические набеги кочевников на Китай. Данный этап продлился до 48 г. н.э., когда в результате новых внутренних конфликтов Хуннская империя распалась на «северную» и «южную» конфедерации. С этого времени начинается новый этап истории – так называемое Великое переселение и опустошительные завоевания гуннов в Старом Свете.

Основные сведения по истории хунну содержатся в четырех главах древнекитайских династических хроник: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня (цз. 110) «Хань шу» («История династии Хань») Бань Гу (цз. 94а, 94б), «Хоу Хань шу» («История Поздней династии Хань») Фань Е (цз. 79). Все эти разделы опубликованы (Лидай 1958), а также переведены на русский (Бичурин 1950; Материалы 1968; 1973) и европейские языки (Groot 1921; Watson 1961 и др.).

Сведения нарративных источников существенно дополняют материалы археологических раскопок на территории Монголии, России и Китая (Доржсурэн 1961; Коновалов 1976; Давыдова 1995; 1996 и др.). В настоящее время имеется несколько крупных исследований (Егэми 1948; Бернштам 1951; Гумилев 1960; Ма Чаншоу 1962; Руденко 1962; Сухбаатар 1980 и др.), в которых освещаются те или иные стороны истории и культуры хуннского общества, однако многие из вопросов по-прежнему остаются неразработанными и дискуссионными.

В данной книге рассматривается социальная структура хунну Забайкалья. Однако заявленная тема не может быть правильно осмыслена без обращения к более широкой проблематике – рассмотрению общественного строя Хуннской державы в целом. Исследование социального строя хунну началось с 1930-х гг. Это было обусловлено достаточно поздним обращением кочевниковедов к социологической проблематике, во многом в связи с внедрением в отечественную науку марксизма. В этот период в исторической литературе утвердилась пятичленная схема формаций. В ее рамках была высказана точка зрения, что древние кочевники, в том числе и хунну, должны были пройти через рабовладельческую стадию общественного развития (Толстов 1934; см. также: Ма Чаншоу 1954; 1962 и др.). Параллельно была выдвинута другая гипотеза, согласно которой сами хунну находились на военно-демократической стадии развития. Однако они выступали союзниками угнетенных китайских масс в борьбе за свержение рабовладельческого способа производства (Бернштам 1951).

Активное внедрение «пятичленной» схемы в историю кочевничества не оправдалось. Со временем на вооружение была взята менее

идеологизированная схема - деление на «ранних» и «поздних» кочевников. Так называемые «ранние» кочевники (до середины I тыс. н. э.) рассматривались как догосударственные, раннеклассовые или раннефеодальные общества. Сложение зрелой государственности в форме «кочевого феодализма» произошло в период существования «поздних» кочевников - в эпоху средневековья. В наиболее последовательном виде эта теория была сформулирована в ряде крупных коллективных изданий, таких как «История Бурятской АССР» (1954 г.), «Всемирная История», Т. II (1956 г.), «Очерки истории СССР» (1956 г.), «История Сибири», Т. I (1968 г.), «История Казахской ССР» (1977 г.), «История МНР», выдержавшая несколько изданий, «История древнего мира», Т. III (1983 г.), «История народов Восточной и Центральной Азии» (1986 г.), «Археология СССР» (1992 г.) и др. В этих работах хуннское общество относилось, как правило, к периоду «военной демократии» или к самой ранней форме государственности. Мнение о раннеклассовом строе хуннского общества с зачатками феодализма, но с большими пережитками первобытнообщинных отношений высказывалось и в зарубежной марксистской литературе (см., например: Harmatta 1952).

Двухстадийное членение на ранних и поздних кочевников приобрело популярность также среди монгольских ученых. В книге Ц.Доржсурэна «Северные хунну» делается вывод о зарождении у хунну государственности в период правления шаньюя Модэ. При этом автор отмечает значительную роль рабовладения в хуннском обществе, имевшего, правда, партиархальный характер (1961). По мнению Н.Сэр-Оджава, первоначально хуннское общество было «военно-демократическим», однако при Модэ у хунну возникла дофеодальная государственность с пережитками родовых отношений и патриархального рабства (1971). Г.Сухбаатар, также посвятивший монографию истории хунну, охарактеризовал хуннское общество как раннефеодальное, правда, с определенными пережитками родо-племенного строя (1980).

В начале 1960-х гг. в советской науке вышли сразу две монографии, специально посвященные истории хунну. Л.Н.Гумилев отнес хуннское общество к высшей ступени первобытнообщинного строя, однако возражал против характеристики его как «племенного союза». Это было единое племя, состоявшее из 24 родов. Родовые старейшины были лишь «первыми среди равных» и опирались на мнение народа. При Модэ союз 24 родов превратился в «родовую державу» (1960). По мнению С.И.Руденко, хуннское общество выглядело более стратифицированным. Он отмечал наличие у хунну частной собственности, рабства (в ограниченных размерах), племенной верхушки, сложной систе-

мы управления. В целом, С.И.Руденко относил хунну к эпохе «военной демократии» (1962).

Начиная с конца 1960-х гг. и в последующие десятилетия развернулись активные исследования в области изучения генезиса государственности. Был пересмотрен вопрос о соотношении классового и политогенеза. Выяснилось, что сложная иерархическая организация власти возникла задолго до появления частной собственности. Это потребовало разработки нового понятийного аппарата («дофеодальное общество», «раннеклассовое общество» и др.), позднее были заимствованы из неозволюционизма термины «вождество» и «раннее государство». Именно в русле этих идей продолжалась дальнейшая дискуссия о характере общественного строя хуннского общества.

Следующий важный вклад в изучение социальной истории хунну внес В.С.Таскин. Основываясь на новом, собственном комментированном переводе основных китайских летописных источников по хуннской истории, он сделал ряд важных выводов относительно экономики хунну, административно-политической структуры империи, системы верховной власти и престолонаследия, отношений собственности на скот и пастбища. Рассматривая социально-политическую организацию хуннского общества, В.С.Таскин пришел к выводу о ее значительном сходстве с политическим строем монголов эпохи Чингис-хана. Все это, по мнению автора, свидетельствует о существовании у хунну, как и у более поздних кочевников Центральной Азии (жужаней, киданей, монголов и пр.) феодальной государственности (1968; 1973; 1984).

В небольшой, но чрезвычайно содержательной статье, специально посвященной общественному строю хунну, А.В.Давыдова пришла к следующим выводам: 1) это была достаточно развитая система управления, связанная с военными и административными функциями; 2) рабство играло лишь «патриархальный» характер, но присутствовали частная собственность, высокая материальная дифференциация; 3) основу накопления прибавочного продукта составляли военная добыча, дань и торговый обмен. Все это позволяет, по ее мнению, говорить о государственности, но «примитивного» типа, с многочисленными пережитками родового строя (1975).

Изучая социальную историю скифов, А.М.Хазанов отметил принципиальное сходство скифской и хуннской ранней государственности и сформулировал следующие характерные черты раннего государства у кочевников: 1) многоуровневая социальная организация, в которой низшие звенья были основаны на узах кровного родства, а высшие – на военно-административных связях и фиктивном генеалогическом род-

стве; 2) многоступенчатая социальная структура с резко отличающимися полюсами; 3) незначительная роль рабства и других внутренних форм эксплуатации; 4) большое развитие внешнеэксплуататорских отношений, данничества; 5) принципиальная однотипность государственных образований скифов, хунну, монголов и других евразийских кочевников. А.М.Хазанов также выделил две модели раннегосударственных образований кочевников Евразии. К первой из них, основывавшейся на завоевании и даннической эксплуатации кочевниками земледельцев, были отнесены Хуннская держава, Первое и Второе Скифские царства (Хазанов 1975; 2000; Khazanov 1984).

Специфическое мнение о ранней государственности у хунну было высказано А.И.Мартыновым. Он считает, что кочевники Южной Сибири и Центральной Азии (динлины, юэцзи, хунну) в своем развитии преодолевали барьер «варварства» и создавали оригинальную «степную цивилизацию». Археологическим свидетельством этой цивилизации являются «пышные» монументальные погребения кочевой элиты с «колоссальными» затратами, что свидетельствует о значительной социальной стратификации в обществе, концентрации единоличной власти, высокой культуре данных народов (Мартынов, Алексеев 1986; Мартынов 1986; 1989 и др.).

Гораздо более развитой предстает хуннская держава в интерпретации С.А.Плетневой. По ее мнению, хунну классически укладываются в степной путь становления феодализма «от кочевий к городам». Это было сложившееся государство с развитой полужемледельческой экономикой, регулярной армией, жесткими законами, тюрьмами, иерархической системой государственных наследственных чиновников, письменностью и единой религиозной системой (1982).

Не так давно была издана обобщающая более ранние исследования монография Е.И.Кычанова (1997), в которой рассматриваются процессы становления и эволюции форм «кочевой государственности» у кочевников Евразии, начиная от скифов и хунну до маньчжуров. Большое внимание в книге уделено описанию хуннского общества (Кычанов 1997: 6-38, 248 сл.). В целом, автор приходит к выводу, что становление государства у хунну (как и у других кочевников) было результатом внутреннего развития. Предпосылкой политогенеза у кочевников стала имущественная дифференциация и формирование в обществе скотоводов классового неравенства и эксплуатации.

Вывод о раннегосударственном характере хунну был поддержан С.Г.Кляшторным в книгах, посвященных изложению общего хода исторического процесса евразийских кочевников (Кляшторный, Савинов 1994;

Кляшторный, Султанов 2000). Из публикаций последнего времени следует также упомянуть исследования С.А.Васютина, который относит Хуннскую державу к ранним государствам, хотя и отмечает ряд признаков более характерных для вождества (Васютин, Юматов 1996; Васютин 2002).

Авторы данной книги также касались в своих публикациях проблемы социального строя хуннского общества. По мнению П.Б.Коновалова (1975; 1976; 1985 и др.) и С.В.Данилова (2002), Хуннская держава являлась ранним государством. В работах Н.Н.Крадина структура общества и власти в империи Хунну рассмотрена в сопоставлении с другими номадами Евразии. Это привело его к выводу об особом (ксенократическом) пути эволюции кочевничества в мировой истории, степные империи рассматриваются им как негосударственная альтернатива (суперсложное вождество) государственности оседло-земледельческих народов (1992-2002; Крадин, Бондаренко 2002).

Для западной науки характерны иные методологические подходы, хотя по ряду позиций мнения отечественных и зарубежных исследователей имеют много общего. Из множества работ заслуживает упоминания обобщающий труд о номадах Центральной Азии О.Латтимора. В этой книге, посвященной культурной экологии и адаптации кочевников около китайской границы, О.Латтимор на примере хунну описал цикл истории пасторального государства. На первом этапе держава состоит только из кочевников. Затем она расширяется до смешанного скотоводческо-земледельческого общества с разными функциями и возможностями данных групп. На третьей стадии осевшие на юге гарнизоны номадного происхождения получают львиную долю добычи, поступающей из Китая, что приводит к конфликтам. В результате (четвертая фаза) происходит распад составного государства, и часть общества возвращается к номадизму (Lattimore 1940).

Важные исследования общественного и политического строя хунну были выполнены О.Прицаком и Масао Мори. Оба автора рассматривают Хуннскую державу как государство с определенной административной системой, явственно напоминающей феодальную иерархическую лестницу (Mori 1950, 1971, 1973; Pritsak 1954 и др.).

Весьма значительными для реконструкции социального строя хунну стали работы Т.Барфилда (Barfield 1981; 1992). Он показал, что государственность не является институтом внутренне необходимым номадам. Вслед за О.Латтимором и А.М.Хазановым Т.Барфилд развивает идею, что она возникает как способ адаптации кочевников к соседним земледельческим цивилизациям. Номадная государственность

была организована, по его мнению, в форме «имперских конфедераций». Такая специфика номадного государства обусловила характер отношений власти в Хуннской империи. Могущество шаньюя и его семьи сильно ограничивалось вождями племен, входивших в конфедерацию.

Некоторые из авторов упомянутых выше исследований (как правило, археологов) в качестве иллюстрации своих выводов ссылались на результаты раскопок. Интуитивно ученые выделяли несколько общественных прослоек в хуннском обществе. В то же время специальных работ по реконструкции социального строя хунну с привлечением данных археологической науки написано очень мало. Первая попытка решения данного вопроса была сделана уже более двадцати лет назад А.В.Давыдовой. Она интерпретировала материалы 216 захоронений из синхронного городища могильника (Давыдова 1982; 1985: 30-34; 1996: 26-30) и выделила на основе отличий в погребальном обряде пять социальных групп у мужчин и четыре группы у женщин. Важным представляется вывод исследователя о многоуровневой социальной структуре жителей городища.

Несколько позднее С.С.Миняев затронул проблемы социальной топографии хуннских погребальных комплексов. Он предположил, что некоторые захоронения, расположенные неподалеку от «богатых» погребений, являлись жертвоприношениями лиц низкого статуса (1985; 1987; 1988; 1989). Не так давно этот вывод был подвергнут критике С.А.Васютным (1999), который усомнился в том, что хунну сознательно умерщвляли в ритуальных целях столь значительное количество своей молодежи. В другой работе С.С.Миняев, рассматривая отличия в типах погребального обряда дырестуйского могильника, высказал гипотезу о членении хуннского общества на знать, привилегированные слои, простое население и зависимых лиц (1998: 76-78). Перечисленными публикациями, пожалуй, ограничивается история изучения реконструкции социальной структуры хуннского по данным археологии.

Таким образом, в целом, археологические источники недостаточно использовались для реконструкции социальной структуры хуннского общества. Настоящая книга несколько восполняет этот пробел. В работе систематизированы результаты изучения общественной дифференциации хунну Забайкалья на основе анализа археологических источников. Выбор территориальных рамок исследования обусловлен тем, что большинство хуннских археологических памятников, находящихся на территории Российской Федерации, расположены именно в этом регионе, в пределах современной Республики Бурятия. Здесь на на-

стоящий момент обнаружено более 90 археологических памятников хунну, из них 3 городища, 5 поселений, 3 «царских» и 30 «простых» могильников, более 50 местонахождений (Лбова, Хамзина 1999). Памятники расположены внутри большого степного массива, связанного с долиной Селенги и вклинивающегося в лесостепные и таежные зоны Байкальской Сибири. С экологической точки зрения – это достаточно обособленный район. Можно предполагать, что данная территория не только имела важное экономическое значение, как зона потенциально-го земледелия и торговых контактов с культурами охотников забайкальской тайги и рыболовов Байкала, но и представляла собой самостоятельное административно-политическое подразделение в структуре Хуннской империи. Данное допущение делает актуальным рассмотрение хуннских археологических памятников Юго-Западного Забайкалья как единой целостной системы и предполагает возможность использования для исследования данной территории пространственных археологических моделей.

Целью книги является исследование общественной структуры населения Забайкалья в хуннскую эпоху на основе анализа погребальных памятников. Цель конкретизируется реализацией следующих задач: (1) дать общую характеристику общественного строя Хуннской державы и показать особенности социальной структуры хунну; (2) выявить основные принципы реконструкций социальных структур в археологии по данным захоронений и методику исследования; (3) проанализировать погребальные памятники хунну Забайкалья (Иволгинский могильник, Дырестуйский Култук, Черемуховая падь, Ильмовая падь); (4) реконструировать особенности социальной структуры населения Забайкалья в хуннскую эпоху.

Предварительные выводы (Крадин 1999: 35-38, 40; Kradin, Danilov, Kovalov 2000; Крадин 2002: 173-179; 2002a) и некоторые результаты представленных в настоящей книге исследований (Крадин 2002b) уже были опубликованы. Однако полные итоги разработки данной темы, которая осуществлялась по проекту «Байкальская Азия в орбите хуннской цивилизации» в рамках регионального конкурса «Байкал», финансируемого РФФИ (97-06-96759), еще не публиковались. Надеемся, что данная книга послужит стимулом для интенсификации изучения хуннской археологической культуры, а также привлечет внимание коллег к актуальным проблемам социологических реконструкций в археологической науке.

Традиционная нарративная историография уводит начальные этапы истории хунну во II тыс. до н.э., отождествляя их с народами «жун» и «ди», проживавшими к северу от китайцев, начиная с эпох Шан и Инь. В настоящее время достоверность летописных текстов, относящихся к доханьской истории хунну, подвергнута сомнению. Между исследователями нет единства в вопросе происхождения хунну. Одни исследователи видели истоки хуннской культуры в населении, оставившем так называемые «плиточные могилы» на территории Монголии и Забайкалья. Другие авторы усматривают черты протохуннской культуры в ряде «скифо-сибирских» памятников Саяно-Алтая и Казахстана. Наконец, третья группа ученых связывает истоки хуннской культуры с так называемыми культурами «ордоских бронз», складывавшихся примерно с XIII в. до н.э. (Гумилев 1960; Сэр-Оджав 1971; Комиссаров 1983; Миняев 1985; 1990; Варенов, Полосьмак 1989; Полосьмак 1990; Варенов 1996; 2000; Молодин, Кан Ин Ук 2000; Ковалев 2002; Худяков, Комиссаров 2002 и др.).

Так или иначе, в период, непосредственно предшествовавший воцарению Модэ (рубеж III-II вв. до н.э.), хуннское общество предстает как сложившаяся централизованная политическая система с существующей социальной стратификацией, разработанной иерархической системой управления, сложившимися институтами высшей власти (титул правителя хунну (*шаньюй*), институт наследования власти и др.). Косвенным образом последний тезис подтверждают исследования хуннских (или хунноподобных) памятников во Внутренней Монголии периода «борющихся царств». Уже в эту эпоху в хуннском обществе существовали значительные социальные различия, прослеживаемые в погребальном обряде. Погребения кочевой аристократии и вождей содержали многочисленные украшения из золота и бронзы (только в могильнике Алучжайдэн (аймак Ханцзинь) было 218 предметов общим весом более 4 кг), встречаются предметы, специально сделанные для вождей (пластина с надписью титула «*шао фу*», украшения для церемониальной шапки, которые носили хуннские вожди и др.) [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980; 1980a]. Главной причиной объединения хуннского этноса в «племенную империю» явилось создание на китайской равнине единого централизованного государства – сначала империи Цинь, а затем Хань.

Хунну быстро почувствовали последствия объединения Китая. Уже в 215 г. до н.э. по приказу правителя Цинь военачальник Мэн Тянь возглавил громадную армию численностью, по разным китайским источникам, от 100 до 500 тыс. чел. (Лидай 1958: 15) и отвоевал у кочевников Ордос, славившийся своими тучными пастбищами. На отвоеванных территориях Мэн Тянь построил более 40 крепостей, проложил дороги, заселил их ссыльными преступниками. Еще более впечатляющим было строительство Великой китайской стены (*ваньли чанчэн* - «стены длинной в 10 тыс. ли»), которая по замыслу Цинь Шихуаньди должна была стать надежным барьером на пути волн варварских набегов с севера. На ее сооружении трудилось громадное количество солдат, осужденных преступников, государственных рабов и крестьян-общинников, призывительно мобилизованных на работы со всех провинций империи.

Чтобы успешно противостоять Китаю, кочевникам необходимо было объединиться в кочевую империю. Основой доминирования хунну в Центральной Азии стала отлаженная военная система. Китайские источники неоднократно свидетельствуют о воинственном образе жизни северного соседа. С раннего детства мальчики и юноши тренировались в стрельбе из лука и скачках на лошади. Все взрослые мужчины входили в состав военно-иерархической организации хуннского общества (Лидай 1958: 3, 31; Материалы 1968: 34, 36). «Сюнну открыто считают войну своим занятием» – говорил в беседе с ханьским послом один из китайцев, перешедших на сторону номадов. «У сюнну быстрые и смелые воины, которые появляются подобно вихрю и исчезают подобно молнии» – предупреждал китайского императора У-ди один из его чиновников. Эта линия прослеживается даже в официальных политических документах. Так, например, в заглавии письма китайского императора правителю Хуннской державы от 162 г. до н.э. ханьцы характеризуются как народы, «носящие пояса и шапки чиновников», а хунну противопоставляются им как «владения натягивающие лук» (Лидай 1958: 30-32; Материалы 1968: 46-48, 75).

В отличие от племенной федерации, политическая структура степной империи была высоко персоналистской, зависела от индивидуальных способностей ее правителя. Шаньюй (каган, хан) никогда не был окружен столь пышным и таинственным церемониалом подобно китайским императорам или другим правителям земледельческих стран. Его цель была вполне материальной – организовать получение добычи и распределить ее между племенами. Он мог лично не принимать участие в грабительских набегах и сражениях, «но как самодержцу степной империи ему необходимы были качества воина. “Имперский” хан дол-

жен был вести своих подданных к успеху на поле боя и в вымогательстве богатства у оседлых правительств» (Fletcher 1986: 23). Если правитель степной державы не удовлетворял ожиданий племен, империя могла разложиться на более мелкие «квазиимперские» политии. Наконец, когда шаньюй умирал, существовал определенный риск распада степной империи. Его наследникам недостаточно было предъявить свои законные права на престол, помимо этого они должны были продемонстрировать наличие реальных личных способностей.

Стабильность Хуннской и иных степных империй напрямую зависела от умения правителей организовывать получение шелка, земледельческих продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых территорий. Поскольку эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью лидера кочевого общества. Будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель номадного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи и тем самым усиливал свою собственную власть. Это позволяло ему контролировать сети престижных товаров и одновременно поддерживать существование империи, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Такая же двойственность обнаруживается в экономике Хуннской империи. «Имперский уровень правительства финансировался ресурсами, получаемыми из-за пределов степи, без обложения налогами скотоводов в империи, – пишет Т.Барфилд, – Получение этой “иностранной помощи” силой или мирными средствами было первоочередной обязанностью имперского правительства» (Barfield 1981: 58).

Американский антрополог весьма точно подметил двойственный характер природы власти шаньюя. Если в военное время шаньюй использовал набеги для получения политической поддержки со стороны племен – членов «имперской конфедерации», то в периоды мира он вымогал от Хань «подарки» для раздачи родственникам, вождям племени и дружине и право на ведение приграничной торговли (для всех подданных).

Важно отметить, что «подарки» китайских императоров оставались на верхних уровнях общественной пирамиды хуннской державы. Известно, что ежегодные выплаты Хань кочевникам составляли 10⁰⁰⁰ даней рисового вина, 5⁰⁰⁰ ху проса и 10⁰⁰⁰ кусков (*пи*) шелковых тканей (Лидай 1958: 191; Материалы 1968: 22). В то же время известно, что среднегодовой паек зерна для взрослого мужчины по китайским

нормам составлял в пределах 36 ху (720 л) или чуть более (Loewe 1967: 65-75; Крюков и др. 1983: 200-201). При таком нормировании данного количества зерна ежегодно могло хватать лишь для полутора сотен человек. Если использовать хлебные продукты только в качестве пищевой добавки (например, в размере 20% от нормы), данного количества зерна могло хватить для питания в течение года примерно 700-800 чел. Следовательно, императорские поставки хлеба могли предназначаться только для удовлетворения нужд шаньюевой ставки (Barfield 1992: 47). Это подтверждается и археологическими источниками. Лаковая посуда, как и другие предметы китайского производства, встречаются, главным образом, в захоронениях хуннской элиты (Руденко 1962: 96; Амоголонов, Филиппова 1997).

Другое дело – вино. Оно было одним из традиционных составляющих ханьского экспорта неизбалованным благами «цивилизации» неприхотливым кочевникам. Согласно приведенным выше данным китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10⁰000 *даней* рисового вина (кит. *нецзю* - винной закваски), что соответствовало 200 тысяч литров. При ежедневной норме потребления это составляло более 550 литров в день. Условно на каждого представителя хуннской высшей военной элиты (от *тысячников* и выше, поскольку вряд ли такой дефицитный товар доходил до простых воинов) приходилось более 1.5 литров рисового вина! Понятно, что вино потребляли не только военачальники, но все равно объемы поставок выглядят внушительно. Схожие явления фиксировались в истории неоднократно, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения дикого Запада американскими пионерами.

Основное население «имперской конфедерации» также испытывало потребность в получении продукции из земледельческого мира. Номадам был необходим шелк для одежды, зерно и некоторые другие сельскохозяйственные продукты, ремесленные изделия и металл. По этой причине шаньюю был вынужден отстаивать интересы своего народа перед стремящимся к автаркии южным соседом (Lattimore 1940: 478-480) и вымогать право на торговлю, угрожая возобновлением набегов на пограничные провинции Китая. Так он мог поддерживать свою власть среди скотоводов, не прибегая к войне или к грабежам. Его роль как посредника между Хань и степняками стала такой же важной, как и его статус верховного военачальника. Поэтому хуннские шаньюи тщательно охраняли свою исключительную монополию на осуществление международных политических отношений с Китаем от имени всех племенных федератов степной «империи». Нарушители монополии на осу-

ществление внешней политики шаньюя в периоды сильной власти сурово наказывались. Известен случай, когда в 177 г. до н. э. правый сяньван без согласования со ставкой совершил набег на приграничные территории округа Шанцзюнь, то он был строго наказан. Его послали на опасную войну против юэчжей (Лидай 1958: 28-29).

Разумеется, в периоды ослабления единоличной власти шаньюя наиболее влиятельные «князья» также пытались завязывать неофициальные контакты с китайскими дипломатами и те активно вступали в такие связи (Лидай 1958: 204; Материалы 1968: 24). Но, в целом, данная практика была не характерна. Можно согласиться с мнением того же Т.Барфилда, что в Хуннской истории имелось немало случаев, когда соблазненные подарками и титулами вожди дезертировали вместе со своими племенами за Великую стену, но ни один племенной вождь или региональный наместник не имел права самостоятельно контактировать с Ханьским правительством и оставаться в рядах степной империи (Barfield 1981: 57).

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племенных вождей, были институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен по мере необходимости, шаньюю увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого правителя» и одновременно связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, с одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а, с другой, могли повышать свой внутрплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от шаньюя дар, реципиент как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа.

Из ханьских «подарков» самую большую ценность представлял шелк. Его общее количество, ежегодно поставляемое в степь, определялось в 10⁰000 *ли*. Если исходить из принятой в ханьское время системы измерений, то один «кусок» (*ли*) представлял собой отрез длиной 9,24 м и шириной 50 см (Loewe 1967: 161; Крюков и др. 1983: 160). Исходя из этих данных можно подсчитать, что 10⁰000 кусков равнялось примерно 92'400 м. Даже при этих самых приблизительных подсчетах очевидно, что этот шелк расходовался не столько на изготовление одежды для шаньюевого двора (из него можно было пошить несколько тысяч шелковых халатов разного покроя), сколько на массовые раздачи племенным вождям и воинам, являлся предметом торгового обмена на северных дорогах Великого шелкового пути.

Посылая кочевникам «подарки» китайские политики, вероятно, рассчитывали на простую человеческую алчность. Они полагали, что шаньюй опьянеет от количества и разнообразия редких диковинок и будет их копить в своей сокровищнице на зависть подданным или транжирить на всяческие сумасбродства. Однако они так и не поняли, на чем зиждется фундамент степной политики. Даже позже они не могли взять в толк, зачем, например, сын Чингис-хана Угэдай занимался массовыми, бессмысленными с их точки зрения, раздачами. Однако психология кочевника отличается от психологии земледельца и горожанина. Поскольку статус правителя степной империи зависел, с одной стороны, от возможности обеспечивать дарами и благами своих подданных и, с другой стороны, от военной мощи державы, чтобы совершать набеги и вымогать «подарки», то причиной постоянных требований шаньюя об увеличении подношений была не его личная алчность (как ошибочно полагали китайцы!), а необходимость поддерживать стабильность военно-политической структуры. Самое большое оскорбление, которое мог заслужить степной правитель, по мнению Т.Барфилда, это обвинение в скупости (Barfield 1981: 56-57). Правитель должен быть щедрым. Экономика доиндустриального общества основывалась не на выгоде и максимизации, а на принципиально иной основе. Поэтому для шаньюев военные трофеи, подарки ханьских императоров и международная торговля являлись основными источниками политической власти в степи. Следовательно, протекающие через их руки «подарки» не только не ослабляли, а, напротив, усиливали власть и влияние правителя в «имперской конфедерации». И пока хуннские шаньюи соблюдали эти в общем-то несложные принципы, единство степной империи было непоколебимым.

Социальная структура Хуннской империи выглядела следующим образом. Во главе общества находился *шаньюй*. Он являлся верховным правителем степной империи, представлял ее в политических и экономических отношениях с другими странами и народами. В его компетенцию входило объявление войны и мира, заключение политических договоров, право получения «подарков» и дани и их redistribution, заключение династических браков и т.д. По всей видимости, шаньюй являлся также верховным главнокомандующим, высшей судебной инстанцией и выполнял наиболее важные религиозные обряды (Таскин 1973: 7-11).

Шаньюй также концентрировал иррациональную власть. Он выполнял наиболее важные религиозные обряды, обеспечиваяномадам покровительство со стороны сверхъестественных сил. В официальных

документах периода расцвета Хуннской империи шаньюй именовался не иначе как «Небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну» (Лидай 1958: 30; Бичурин 1950а: 58; Материалы 1968: 45).

Шаньюй имел многочисленных родственников, которые относились к его «царскому» роду Люаньди (Луаньти, Сюйляньти): братьев и племянников, жен (*яньжи*), сыновей и принцесс (*цзюйцзы*) и т.д. Самыми титулованными из родственников шаньюя являлись десять высших *темников*, которые составляли соответственно четыре и шесть «рогов». Первых четырех китайские летописцы называли титулом *ван* (князь).

Кроме родственников шаньюя в число высшей хуннской аристократии входили и другие знатные «семейства» — Хуань, Лань и позднее появившиеся роды Сюйбу и Цюлинь (Лидай 1958: 17, 680-681; Материалы 1968: 40). Часть из них также занимали высокие военно-административные должности *темников*.

Следующую ступень в хуннской иерархии занимали племенные вожди и старейшины. В летописях, как правило, они обозначаются как «небольшие князья», *дуэзи*, *данху*, *цецзюи* (Лидай 1958: 17; Материалы 1968: 40). Наверное, часть *тысячников* были племенными вождями. Сотники и десятники являлись, скорее всего, родовыми (клановыми) старейшинами различных рангов. В обязанности вождей и старейшин входили хозяйственные, судебные, культовые, фискальные и военные функции.

У хунну имелась определенная прослойка служилой знати. В первую очередь, это дружина шаньюя, связанная с ним отношениями личной преданности. Возможно, наиболее доверенным дружинникам давались титулы *гудуху*. Помимо *номадов* к категории служилой аристократии следует отнести иммигрантов из Китая, ставших советниками при шаньюевом дворе, либо удостоившихся других должностей в административной иерархии империи. Они оказались очень полезными консультантами хуннских шаньюев: знакомили *номадов* с китайской тактикой военного дела, обучали ведению земледельческого хозяйства, иероглифической письменности, основам придворного этикета и администрирования (Pritsak 1954: 178-202).

Несколько ниже служилой знати на иерархической лестнице располагались вожди *нехуннских* племен, включенных в состав имперской конфедерации, или *зависимых* племен и владений, плативших *номадам* дань.

Основное население Хуннской державы составляли простые кочевники скотоводы. Основываясь на некоторых косвенных данных,

можно предполагать, что многие важнейшие черты хозяйства, социальной организации, быта и, возможно, даже менталитета хунну были детерминированы специфической экологией обитания и в своей основе мало отличались от особенностей культуры кочевников монгольских степей более позднего времени (Крадин 2002: 160-165).

В письменных источниках отсутствуют сведения относительно различных категорий бедных и неполноправных лиц, занимавшихся скотоводством у хунну. Поэтому, основываясь на более общих закономерностях эволюции кочевых обществ, можно только предполагать, что такие лица у хунну могли быть. Также неизвестно, насколько у хунну были распространены рабовладельческие отношения, хотя источники буквально пестрят данными об угоне номадами в плен земледельческого населения. Незрелость рабства у хунну может быть объяснена сравнительно-историческими этнологическими исследованиями, которые убедительно свидетельствуют, что ни в одном из скотоводческих обществ рабство не получило значительного распространения (Нибур 1907; Семенюк 1958; Хазанов 1975 и др.). Во-первых, использование рабского труда в выпасе скота экономически неэффективно. В скотоводческом труде потребности в дополнительных рабочих руках ограничены, и они полностью удовлетворялись за счет внутренних ресурсов, и приток рабов извне был не нужен. Во-вторых, при кочевом образе жизни были сравнительно легкие условия для бегства, и одновременно существовала опасность повышенной концентрации рабов в одном месте при весьма низкой демографической плотности свободного населения. В-третьих, скотоводческий труд требовал определенной квалификации, личной заинтересованности и в то же время во многих скотоводческих обществах считался престижным.

Археологические данные существенно дополняют сведения летописей. Еще до образования империи в период «борющихся царств» у хунну существовала значительная стратификация. На одном полюсе – простые захоронения рядовых номадов. На другом – могилы представителей племенной верхушки, в которых обнаружено большое количество украшений для колесниц, редкое оружие, ювелирные изделия и пластины с высокохудожественными изображениями животных из золота, жезлы, навершия знамен и пр. (могильники Алучжайдэн и Сигоупань во Внутренней Монголии [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь 1980; 1980а]).

В период расцвета хунну социальное расслоение еще более увеличилось. В Ноин-Уле, Бор Булаге, Бурлиге и др. (Монголия) и Ильмовой пади, Цараме, Оргойтоне (юг Бурятии) расположены монументальные «царские» и «княжеские» курганы хуннской элиты, на сооружение

которых требовались немалые усилия. Так, например, самый известный из хуннских курганов, исследованный в 1924-1925 гг. экспедицией П.И.Козлова, представлял собой сооружение с прямоугольной насыпью размером 14x16 м и высотой более 1,5 м. Могильная яма уходила крутыми уступами на глубину 9 м. С южной стороны яма имела более пологий дромос, обрамленный каменной кладкой. Внизу в двух срубах находился гроб, покрытый лаком и росписью. Внутренняя поверхность срубов была задрапирована изысканными шерстяными коврами и шелковыми тканями. Покойного сопровождал богатый погребальный инвентарь (Руденко 1962 и др.).

Погребения простых номадов гораздо проще и беднее по инвентарю. Обычно это округлые или четырехугольные каменные насыпи размером (диаметром) 5-10 м. Глубина могильной ямы обычно была до 3 м. На дне ямы стоял деревянный гроб (реже гроб в сруб). Захоронение сопровождалось отдельными предметами вооружения, сбруи, орудиями труда, украшениями и заупокойной пищей (Доржсүрэн 1961; Коновалов 1975; Миняев 1998 и др.).

Насколько жесткой была эта общественная пирамида? Возможно ли было индивиду преодолеть иерархические ступени и повысить свой административный и социальный статус. Исследования по социальной антропологии народов Евразии показывают, что для кочевников скотоводов была характерна так называемая генеалогическая система родства (Васон 1958; Krader 1963; Марков 1976; Khazanov 1984; Масанов 1995 и др.). Ее значимость применительно к проблеме вертикальной мобильности выражалась в том, что: (1) статус и власть, как правило, передавались внутри одной генеалогической группы в соответствии с принципами старшинства; (2) ни один индивид не мог существовать вне рамок какой-либо кланово-родовой группы; (3) социальный статус конкретного индивида нередко обуславливался статусом его генеалогической группы среди других аналогичных групп. Следовательно, возможности вертикальной мобильности были ограничены местом в социальной генеалогии того или иного кланового подразделения. Наиболее реальным способом повышения персонального статуса, правда, лишь до известных пределов, являлась преданность правителю и личная военная доблесть.

При шаньюе Модэ Хуннская держава была разделена на три части: центр, левое и правое крылья. Крылья, в свою очередь, делились на подкрылья. Вся высшая власть была сосредоточена у шаньюя. Параллельно он управлял центром – племенами «метрополии» степной державы. Ему подчинялись 24 высших должностных лица, которые

руководили крупными племенными объединениями и одновременно имели воинское звание «темников» (т.е. «десятитысячников»). Левым крылом командовал, как правило, старший сын шаньюя – наследник престола. Соправителем левого крыла, руководителем и соправителем правого крыла являлись три наиболее близких родственника правителя степной империи. Только они имели высшие титулы «князей» (*ванов*). «Князья» и еще шесть наиболее знатных темников считались «сильными» и имели в своем подчинении не менее 10 тыс. всадников. Остальные темники реально имели менее 10 тыс. конников (Лидай 1958: 17; Материалы 1968: 40).

На низшем уровне административной иерархии находились местные племенные вожди и старейшины. Официально они подчинялись 24 наместникам из центра: «Каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувзев, данху и цецзюев» (Лидай 1958: 17; Материалы 1968: 40).

Однако на практике зависимость племенных лидеров была ограничена. Ставка находилась достаточно далеко, а местные вожди располагали поддержкой родственных им племенных групп. Поэтому влияние на местную власть имперских наместников было в известной степени ограничено, и они были вынуждены считаться с интересами подчиненных им племен. Каково же было общее число данных племенных групп в пределах хуннской имперской конфедерации, источникам неизвестно.

Использование китайским историком для описания административно-политической структуры хуннского общества как военных (темники, тысячники, сотники), так и традиционных (князья разных рангов, дувзи, данху и пр.) терминов дает основание предположить, что системы военной и гражданской иерархии существовали параллельно. Каждая из них имела отличные функции. Система недесятичных рангов использовалась для гражданского управления племенами. Система десятичных рангов применялась во время войны, когда большое количество воинов из разных частей степи объединялись в одну или несколько армий (Barfield 1992: 38).

Власть шаньюя, высших военачальников и племенных вождей на местах поддерживалась строгими, но простыми традиционными нормами. В целом, как оценивали хуннские законы китайские хронисты, наказания у *номадов* были «просты и легко осуществимы» и сводились, главным образом, к палочным наказаниям, ссылке и смертной казни. Это давало возможность быстро разрешать на разных уровнях

иерархической пирамиды конфликтные ситуации и сохранять стабильность политической системы в целом. Неслучайно, для китайцев, с детства привыкших к громоздкой и неповоротливой бюрократической машине, система управления хуннской конфедерации казалась предельно простой: «управление целым государством подобно управлению своим телом» (Лидай 1958: 31; Материалы 1968: 46).

Стройная система рангов, разработанная при Модэ, не сохранилась в дальнейшем. Впрочем, она и не могла сохраниться. Это связано с тем, что в силу традиционной для кочевой аристократии практики полигамии воспроизводство элиты в кочевых империях осуществлялось едва ли не в геометрической прогрессии. Разумеется, право на наследование положения и основного имущества имели не все потомки, а, как правило, сыновья от главной жены. Остальные наследовали только достаточно высокий статус (скорее всего, в соответствии с принципом конического клана). Однако это не исключало всех наследников из генеалогической иерархии. К тому же всегда встречались исключения для любимчиков или детей от молодых любимых жен. Что же касается многочисленных близких и дальних родственников шаньюя, то в их жилах текла голубая «королевская» кровь, и все члены рода Люаньди без исключения имели право претендовать на место под солнцем в хуннской социальной лестнице.

Выделяются несколько периодов наиболее активного введения новых титулов (Крадин 2002: 216-224). Первый приходится примерно на 100-50 гг. до н.э. В этот промежуток времени возник переизбыток представителей хуннской элиты. Так как все члены знатных кланов не могли быть обеспечены соответствующим их происхождению местом в общественной иерархии, то между ними неизбежно должна была возникнуть острая конкуренция за обладание тем или иным высоким статусом и соответствующими ему материальными благами. Это привело, в конечном счете, к временному распаду Хуннской державы на несколько враждующих между собой объединений и к гражданской войне 58-36 гг. до н.э.

Следующий период массового введения новых титулов и должностей начинается с последней трети I в. до н.э. Сложившаяся после гражданской войны новая комбинация политических сил постепенно «затвердела» в прочную иерархию. В свете новой внешней политики требовалась корректировка административной системы управления, часть старых титулов оказалась косвенно скомпрометированной негативной связью с кем-либо из мертвых врагов или предателей. Необходимо было закрепить новый принцип наследования власти, отработать

принципы принятия политических решений, ввести новые должности и адекватные им пышные титулы. В конечном счете, новый рост представителей высшей элиты кочевников вызвал усиление столкновения за ограниченные ресурсы и привел к распаду степной империи в 48 г. н. э. на северную и южную конфедерации.

Третье и последнее масштабное появление новых титулов относится ко времени разделения хуннской державы на враждующие группировки. Китайский историк Фань Е дал подробное описание политической системы южной конфедерации этого времени (Лидай 1958: 680-681; Материалы 1973: 73). Теоретически его описание можно экстраполировать как на северных хунну, так и на потестарно-политическую систему Хуннской державы I в. н.э. в целом. Это дает уникальную возможность проследить динамику политических институтов у хунну на протяжении 250 лет.

Основные изменения между державой эпохи Модэ и обществом хунну накануне распада были в следующем: 1) переход от троичного военно-административного деления к дуальному; 2) Сыма Цянь писал о четко разработанной военно-административной структуре с 24 *темниками*. Фань Е не упоминает о «десятичной» системе, вместо военных званий *темников* перечисляются гражданские титулы «князей» (*ванов*); 3) по «*Ши цзи*», к *ванам* отнесены только так называемые «четыре рога» (левый и правый *сянь-ваны* и *лули-ваны*). По «*Хоу Хань шу*», «шесть рогов» также отнесены к *ванам*; 4) в Хуннской империи изменился порядок престолонаследия. Если первоначально престол шаньюя передавался от отца к сыну (за исключением нескольких экстраординарных случаев), то постепенно стал преобладать другой порядок – *удельно-лествичный*: от брата к брату и от дяди к племяннику; 5) у хунну возобладал принцип *соправительства* (по В.В.Трепавлову [1993: 76-96]), согласно которому у правителя кочевой империи имеется *соправитель*, управляющий младшим по рангу «крылом». Должность младшего *соправителя* наследуется внутри его линиджа, но его наследники не могут претендовать на трон шаньюя.

Таким образом, данные изменения свидетельствуют о постепенном ослаблении автократических отношений в империи и замене их связями конфедеративными, о чем, в частности, свидетельствует переход от троичного административно-территориального деления к дуальному. Оттеснялись на задний план военно-иерархические отношения, вперед выдвигалась генеалогическая иерархия между «старшими» и «младшими» по рангу племенами. Империя постепенно трансформировалась в племенную конфедерацию.

Может ли считаться Хуннская полития государством? Ответ в известной степени зависит от избранной методологии исследования. В настоящее время существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющие процесс происхождения и сущность раннего государства (подробнее см.: Fried 1967; Service 1975; Claessen, Skalnik 1978; 1981; Cohen, Service 1978; Haas 1982; Gailey, Patterson 1988; Павленко 1989; Годинер 1991; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Коротаяев, Бондаренко, Лынша 2000; Крадин 2001а; Бондаренко, Коротаяев 2002 и др.). *Конфликтные* теории показывают происхождение государственности и ее внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования. *Интегративные* теории, главным образом, ориентированы на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции. При этом основное отличие государственности от предшествующих форм заключается в том, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, т.е. по сути авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия.

Однако и с точки зрения *конфликтного*, и с точки зрения *интегративного* подходов Хуннская держава не может быть однозначно интерпретирована ни как вождество, ни как государство. При взгляде снаружи, извне кочевого общества она выглядит как вполне депотическое завоевательное государственноподобное общество, созданное для изъятия прибавочного продукта извне степи. В то же самое время, при внимательном рассмотрении внутренней структуры выясняется, что хуннское общество держится на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти шаньюя основана не на возможности применить легитимное насилие, а на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны.

Даже среди авторов данной книги нет единства по этому вопросу. С.В.Данилов (2002) и П.Б.Коновалов (1976) считают, что империю Хунну можно отнести к стадии ранней государственности, тогда как Н.Н.Крадин (2002) полагает, что хуннское общество больше соответствует признакам вождества. Однако в главном наши мнения схожи – сложность интерпретации кочевых империй в рамках мировой истории, возможно, отражает неприменимость использования понятийного аппарата, разработанного на материалах оседлых обществ, к истории кочевников скотоводов.

По этой причине особенности социальной эволюции древних и средневековых кочевников Евразии, возможно, более продуктивно анализировать через разработку категории *кочевая империя* (Крадин 1992: 166-178; 2001). Кочевые империи были самыми крупными политическими образованиями скотоводов Евразии, представлявшими кульминацию истории Великой степи. Они существовали длительный исторический период, начиная с «осевого времени» (середина I тыс. до н.э.) вплоть до начала складывания капиталистической «мир-системы» (XVI в.). *Кочевая империя* – это сложное общество, организованное по военно-иерархическому признаку, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежи, война и контрибуция, вымогание «подарков», неэквивалентная торговля, данничество и т.д.).

Для кочевых империй были характерны ряд признаков, которые отличали их и от восточных деспотий, и от феодальных королевств, и от иных доиндустриальных политических форм:

1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;

2) дуальный (на левое и правое крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления степной империи;

3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;

4) ямская служба как специфический способ организации административной инфраструктуры, придуманный прежде всего мобильными кочевниками скотоводами;

5) специфическая система наследования власти (империя - достояние всего ханского рода, институт *соправительства* главного хана в одном крыле и его заместителя в другом, особая форма выбора наследника престола на *курултае*);

6) особый характер отношений с земледельческим миром.

Выделяются три модели (*типичная, данническая, завоевательная*) кочевых империй: в первом случае кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии, существование степной империи осуществляется посредством *дистанционной* эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в некотором смысле рэкет) и т.п. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры и пр.); во втором – земледельцы подчинены кочевникам, кочевая империя существует за счет взимания *дани* (Золотая Орда, Юань и пр.); в третьем случае номады завоевывают земледельческое обще-

ство и переселяются на его территорию, на смену грабежам и данничеству постепенно приходит *регулярное налогообложение* земледельцев и горожан (Северная Вэй, государство ильханов и пр.) (Крадин 1992; 2001).

Хуннская держава представляла собой классический вариант *типичной* кочевой империи (Крадин 2002). Это был первый в истории Центральной Азии образец *Rax Nomadica*. Хунну не были столь дикими и неотесанными «варварами», как их обычно представляют китайские летописцы. Многие из структурных черт хуннского общества можно проследить в социальном устройстве всех последующих «степных империй» Евразии. Возможно, это позволит несколько иначе представить особенности социальной эволюции кочевников скотоводов, а также специфику их взаимоотношений с земледельческими цивилизациями Старого Света.

МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

В социологии, в самом широком смысле, **социальная структура** понимается как «каркас», «скелет» общества, обеспечивающий гармоничное сочетание всех его частей в единое целое. Социальную структуру обычно описывают либо в рамках функционалистской методологии – как совокупность функционально важных, значимых для общества позиций и институтов, либо в категориях социального неравенства – как совокупность иерархических общественных связей, отражающих положение отдельных индивидов и групп (Сорокин 1990; Мертон 1992; Фролова 1995; Волков, Мостовая 1998; Парсонс 1998; Смелзер 1998 и др.).

Нельзя сказать, что данные подходы взаимоисключают друг друга. Скорее, в соответствии с принципом «дополнительности» Н.Бора, они лишь отражают разные стороны одной и той же реальности. И функциональная интеграция, и неравенство одинаково важны для функционирования общества. В то же время функциональный характер деятельности с большим трудом может быть прочитан в археологических источниках (что не означает, что археологам не следует заниматься поисками в данном направлении). По этой причине понятно подсознательное стремление археологов обратиться к тем аспектам социальной структуры исследуемого общества, которые хорошо представлены в материалах раскопок – размерам могил и надмогильных конструкций захороненных лиц, отличиям в разнообразии и количестве сопроводительного инвентаря. Все это дает возможность реконструировать социальную стратификацию исследуемого народа.

Под **социальной стратификацией** в социологии принято понимать положение людей и групп в социальном пространстве по отношению к другим индивидам и группам. Согласно одной из классических дефиниций, социальная стратификация – это разделение некоей совокупности населения на отдельные группы в определенном иерархическом порядке (Сорокин 1990:302). Социальная стратификация отражает существующее в обществе разделение обязанностей, прав, власти и привилегий. В социологии она обычно отслеживается по таким признакам, которые поддаются измерению и корректному сравнению друг с дру-

гом (доход, наследственный статус, образование, профессия, вероисповедание, возраст, пол и т.д.). Есть подобные признаки и в археологических материалах. Однако археологический источник – это особая категория, требующая изолированной исследовательской методики. Для того, чтобы перевести зашифрованную в нем информацию в репрезентативные для социологического анализа данные, необходимы специальные методические процедуры.

В настоящее время существуют различные методики анализа социальной структуры по данным археологии (Грач 1975; Массон 1976; Алекшин 1977; 1986; Лебедев 1977; Добролюбский 1982; Бунятян 1981; 1982; 1985; Михеев 1986; Генинг и др. 1990; Гуляев 1990а; Афанасьев 1993а; 1993б; Плетнева 1993; Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994; Бишони 1994; Галанина 1994; Бобров 1997; Бобров, Михайлов 1997; Васютин 1998; Харке, Савенко 2000; 2000а и др.). Кроме этого в отечественной археологии имеется и большой опыт конкретно-исторических исследований социальной структуры обществ кочевников скотоводов (Алекшин 1975; Добролюбский 1978; Грач 1980; Курочкин 1980; 1989; Бунятян 1981; 1985; Суразаков 1983; 1992; Генинг 1984; Акишев 1986; 1994; Бойко 1986; Елин 1989; Савенко 1989; Трифонов 1989; Гей 1993; Флеров 1993; Тихонов 1993; Болтрик, Фиалко 1994; Субботин 1994; Коробов 1996; Матвеева 1997; 1997а; 2000; Миронов 1997; Тишкин 1997; Медведев 1999; Тишкин, Дашковский 2001; Дашковский 2002 и многие др.). Все это дает надежную базу для проведения аналогичных исследований на материале хуннских погребальных памятников.

В качестве методологии для изучения социальной стратификации по археологическим источникам можно принять идею Р.Адамса, согласно которой величина власти обусловлена масштабом контроля над источниками энергии (продуктивные ресурсы, военная добыча, товарооборот и др.), накопителями энергии (склады, у кочевников – стада, сокровищницы и пр.) и контролем над перераспределением энергетических потоков (Adams 1975).

Чем выше статус индивида, тем, нередко, более пышным был опущенный с ним в могилу инвентарь (одежда, украшения, оружие, предметы быта, пища, импортные товары). К сожалению, очень многие так называемые «царские» погребения древних цивилизаций и культур ограблены. По этой причине можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что такой критерий как количество энергозатрат при возведении погребальных сооружений, как правило, коррелируется с рангом умершего, объемом его власти при жизни и может быть применен для реконструкции социальной структуры архаического об-

щества (Binford 1971; Tainter 1975; 1978; Массон 1976:169; Добролюбовский 1978:113-114; Кореняко 1979: 7; 1990: 32-33; Акишев А.К. 1984:105; Gibson 1984: 166; Бунятян 1985:72-73; Генинг и др. 1990:191, 193-194; Афанасьев 1993а: 5; Матвеева 2000: 7, 195 и др.).

Разумеется далеко не все археологи согласны с данным предположением. В постпроцессуальной археологии, в частности, распространено скептическое мнение, что прямая связь между погребальным ритуалом и социальным статусом захороненного отсутствует (Hodder 1976; Pader 1982; Parker-Pearson 2001 и др.). Но с этим никто и не спорит. Другое дело, что трудно предположить, чтобы некрополь правителя какого-нибудь вождества или раннего государства был беднее, чем, например, захоронение простого крестьянина или раба. Мы не вправе жестко привязывать те или иные типы погребений к конкретным социальным прослойкам по причине фрагментарности нашей источниковой базы и отсутствия информации о социальной структуре изучаемого общества в целом. Но при соблюдении определенных методических процедур мы вполне корректно можем судить, например, об эгалитарном или стратифицированном характере структуры исследуемого социума.

Другая важная идея, реализованная, в частности, Т.Ёрлом и некоторыми его коллегами (Earle 1991), основывается на допущении, что экономическая и политическая власть фиксируется в специфических культурных символах, которые могут быть отражены в археологических данных (особенно в иконографии, монументальном строительстве и в архитектурной планировке [см. также: Abrams 1989, Wason 1994]). Монументальные сооружения создают специфическое священное пространство, которое символизирует божественный, иррациональный статус земной власти (применительно к хунну - так называемые «царские» курганы со всей атрибутикой, включая «дорожку»-«шлейф» в загробный мир). Фокусируя ландшафт «на себя», воплощая «максимальную сакральность» социума, монументальные памятники как бы представляют в опредмеченной форме реальный политический контроль и права собственности на значимые ресурсы (Бурдые 1993). В этой связи представляется важным напомнить весьма плодотворную мысль А.Саутхолла, что именно в символическо-ритуальной монополии элиты на воображаемые средства производства находится ключ к пониманию возникновения «зачаточного» раннего государства (Southall 1991:78).

Таким образом, погребальный обряд может служить достаточно надежным источником для получения информации о социальной дифференциации в исследуемом обществе.

Процедуре выделения социальных рангов должен предшествовать половозрастной анализ погребений и останков захороненных. Это обусловлено неравным статусом в обществе мужчин и женщин (что должно отражаться и в погребальной обрядности), а также существованием в архаическом обществе процедур специфических инициаций, без прохождения которых переход в иной, более значимый возрастной социальный статус не представлялся возможным.

Ярким свидетельством этого является, например, знаменитое описание Геродотом (IV. 64, 66) скифских обычаев: «скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не получает... Ежегодно по разу каждый начальник в своей области приготовляет кратер (лохань) вина, из которой пьют только те скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из обоих разом». Некоторые намеки на существование аналогичных обычаев у хунну можно найти в цитате из «Ши цзи»: «Тот, кто в сражении отрубил голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают и захваченную добычу» (Лидай 1958:18; Бичурин 1950а:50; Материалы 1968:41).

Вышеуказанные стороны общественной жизни архаических и традиционных обществ давно зафиксированы многочисленными этнографическими исследованиями (Задыхина 1951; Грачева 1975; Калининская 1976; Попов 1981: 89-97; 1990: 85-89, 102-104; Артемова 1991:56-73; 1993: 48-56, 66-68; Derevenski 1997; Owen 1997 и многие др.). Недоучет этого важного фактора может привести к существенным искажениям результатов, поскольку, например, женщина, имеющая сопоставимый с мужчиной статус (жена, сестра и пр.), могла быть захоронена с меньшей пышностью. Для того, чтобы избежать подобных ошибок при последующей интерпретации, необходимо учесть имеющийся опыт выявления половозрастных групп по данным археологии (Binford 1971: 13-15; Грач 1980: 50-59; Бунятян 1982: 141-155; 1985: 59-72; Пустовалов, Черных 1982; Алекшин 1986: 17-48; Кислый 1985; Колесников 1985; Генинг и др. 1990: 137-149; Афанасьев 1993: 20-27, 34-40; 1996: 20-23; Коробов 1996: 58-65; Горяев 1997; Матвеева 2000; Яценко 2002 и др.). Как правило, отличия между взрослыми и детскими захоронениями (там, где их нельзя зафиксировать антропологически) фиксируются в размерах могилы или

гроба, величине скелета, аксессуаров одежды, наличии игрушек и мелких изделий и пр.

Отличия между мужскими и женскими погребениями отражаются в специфике разделения труда и, следовательно, сопроводительного инвентаря. У кочевников также наблюдалась известная специализация мужской (война, выпас скота) и женской (домашнее хозяйство) деятельности. Однако применительно к кочевникам такое разделение с археологической точки зрения, возможно, не будет фиксироваться столь очевидно, поскольку, когда мужчины были заняты грабежами или войной, скот пасли подростки или женщины (Пржевальский 1975:41; Певцов 1951:112; Книга Марко Поло 1956:88; Плано Карпини 1957:36-37; Иванов 1961:108-109; Грач 1980:50-56; Schlette 1987; Полосьмак 2001: 283-287 и др.), а последние у ряда кочевых народов нередко принимали участие в боевых действиях (Смирнов 1964:201; Хазанов 1975:85-86; Бернабей, Бондиоли, Гуиди 1994: 167; Полосьмак 1997:42; и др.).

Далеко не всегда есть возможность прямого физико-антропологического определения пола захороненных. В этом случае, прежде чем приступать к изучению всего массива данных, имеет смысл попытаться выявить значимые факторы для мужских и женских погребений только на данном материале. Это даст возможность определить в ряде случаев пол захороненных, основываясь только на особенностях погребальных конструкций или сопроводительного инвентаря.

Таким образом, методика исследования предполагает необходимость проведения ряда последовательных операций:

1. Выделение особенностей погребального обряда, составление списка признаков, ввод информации в компьютерную базу данных (для этих целей была использована специализированная программа STATISTICA 5.0 for WINDOWS).

2. Выявление факторов значимых для возрастного деления совокупности.

3. Разделение совокупности на взрослые и детские погребения.

4. Выявление факторов значимых для полового деления массива взрослых погребений.

5. Разделение совокупности на мужские и женские погребения.

6. Изучение отличий в погребальном отряде в пределах однородных половозрастных групп посредством кластерного анализа.

7. Выявление существенных факторов, связывающих те или иные внутригрупповые кластеры с различными категориями сопроводительного инвентаря.

8. Интерпретация результатов

Для выявления признаков, значимых для тех или иных половозрастных и общественных групп использовался **факторный анализ**. Данный метод позволяет обнаруживать скрытые факторы, объясняющие связи между выбранными признаками (Хартман 1972; Федоров-Давыдов 1987: 174-180; Дюк 1997:162-170).

Для вычленения социальных групп внутри однородных половозрастных групп применялся **кластерный анализ**. Этот метод предназначен для разбиения какого либо множества на заданное или неизвестное число классов на основании некоторых критериев сходства-различия (Федоров-Давыдов 1987: 180-189; Боровиков, Боровиков 1997: 491-527; Дюк 1997: 153-161).

Для решения поставленной задачи нами были отобраны материалы по четырем наиболее изученным могильникам из 33 известных погребальных комплексов эпохи хунну на территории Бурятии: Ильмовая падь (раскопано 60 погребений), Черемуховая падь (раскопано 20 погребений), Дырестуйский Култук (идентифицировано 130 погребений) и Иволгинский могильник (раскопано 216 погребений). Данный выбор был обусловлен исключительно количественными критериями, поскольку небольшие выборки нерепрезентативны для статистических методов.

Список признаков. При составлении списка признаков мы учитывали уже имеющийся опыт отечественных исследователей в этой области (Генинг, Борзунов 1975; Бунятян 1981; 1985; Каменецкий 1986; Генинг и др. 1990; Афанасьев 1993; Мошкова 1994; 1997 и др.).

Высшую таксономическую ступень в нашей классификации занимает *категория совокупностей признаков*. Для характеристики погребального обряда хуннской археологической культуры Забайкалья выделено пять таких категорий:

- I. Надмогильные сооружения;
- II. Погребальное сооружение;
- III. Останки погребенных;
- IV. Сопроводительный инвентарь;
- V. Жертвенная пища.

Категории совокупностей признаков включают несколько *совокупностей признаков*, которые, в свою очередь, состоят из отдельных *признаков*. *Признаки* могут быть *простыми* (т.е. неделимыми; они либо присутствуют, либо отсутствуют) или *сложными* (т.е. делимыми на более дробные категории).

I.1. **Высота насыпи.**

Собственное значение (в метрах)

I.2. Форма насыпи.

1. Сложная форма (А);
2. Квадратная, прямоугольная (В);
3. Круглая, овальная (С);
4. Захоронение без насыпи (N).

I.3. Площадь насыпи.

Собственное значение (в квадратных метрах)

I.4. Детали конструкции.

1. Состав насыпи (А-земля, В-земля и камни);
2. дромос (0-нет, 1-есть);
3. сложная каменная конструкция (перегородки и пр.) (0-нет, 1-есть);
4. другие детали (0-нет, А-ровик, В-вал);
5. Перекрытие над гробом (0-нет, У-каменное, В-бревенчатое);

I.5. Тризна.

1. Кости животных (0-нет, 1-мало, 2-несколько особей);
2. Посуда (0-нет, 1-один сосуд, 2-два и более);
3. Следы огня (0-нет, 1-мало, 2-много).

II. Категория **Погребальное сооружение** включает следующие совокупности признаков:

II.1. Тип погребального сооружения.

1. Гроб в двойном срубе (А);
2. Гроб в срубе (В);
3. Гроб (С);
4. Гробовище из слегка подтесанных лесин (D);
5. Каменный ящик (Е);
6. Яма (F);
7. Не определено (X)

II.2. Длина погребального сооружения.

Собственное значение (в метрах)

II.3. Ширина погребального сооружения.

Собственное значение (в метрах)

II.4. Глубина погребального сооружения.

Собственное значение (в метрах)

II.5. Детали конструкции.

1. Шелковая драпировка (0-нет, У-есть);
2. Золотые украшения гроба (0-нет, У-есть);
3. Подстилка под гробом из хвойных веток и шишек (0-нет, У-есть);

III. Категория **Останки погребенных** включает следующие совокупности признаков:

III.1. Количество погребенных в могиле.

Количество костяков (0-нет, 1-одно, 2-два и более)

III.2. Ориентировка.

(N, NNO, NO, NOO, O, SOO, SO, SSO, S, SSW, SW, SSW, W, NWW, NW, NNW, X-сия)

III.3. Полно-возрастная характеристика.

1. Мужчина (M);
2. Женщина (W);
3. Ребенок (CH);
4. Смешанное погребение - взрослый и ребенок (MCH - мужчина и ребенок, WCH - женщина и ребенок)
5. Не определено;

IV. Категория **Сопроводительный инвентарь** включает следующие совокупности признаков:

IV.1. Орудия труда и предметы быта.

1. Нож (0-нет, 1-одно, 2-два и более);
2. Лопата (0-нет, 1-есть);
3. Котел (0-нет, 1-есть);
4. Прибор для добывания огня (0-нет, 1-есть);
5. Шилья и иголки (0-нет, 1-есть);
6. Палочки для еды (0-нет, 1-есть);
7. Ложки (0-нет, 1-есть);
8. Предметы одежды (0-нет, 1-есть);
- 8.1. Шелковая одежда (0-нет, 1-есть);
- 8.2. меховая одежда (0-нет, 1-есть);
- 8.3. Пуговицы и застёжки (0-нет, 1-есть);
9. Другие предметы быта (0-нет, 1-есть);

IV.2. Оружие.

1. Металлические наконечники стрел (0-нет, 1-есть);
2. Костяные наконечники стрел (0-нет, 1-есть);
3. Лук (0-нет, 1-есть);
4. Кинжал (0-нет, 1-есть);
5. Меч (0-нет, 1-есть);
6. Поножи (0-нет, 1-есть);
7. Копье (0-нет, 1-есть);
8. Топор (0-нет, 1-есть);
9. Шлем (0-нет, 1-есть);
10. Панцирь (0-нет, 1-есть).

IV.3. Посуда.

1. Лепные и станковые сосуды (0-нет, 1-один, 2-два-три 3-четыре и более);
2. Лаковая (0-нет, 1-есть);
3. Ритуальные сосудики (0-нет, 1-один-два, 2-три и более).

IV.4. Пояс.

1. Пояс с простыми бронзовыми или железными бляхами (0-нет, 1-есть);

2. Ажурные бронзовые бляхи (0-нет, 1-есть);

3. Золотые, позолоченные и серебряные бляхи (0-нет, 1-есть);

4. Колокольчики (0-нет, 1-есть);

IV.5. Сбруя.

1. Удила, псалии, и другие элементы сбруи (0-нет, 1-один комплект, 2-два комплекта и более)

IV.6. Украшения.

2. Бусы (0-нет, 1-есть);

3. Бисер (0-нет, 1-есть);

4. Серьги (0-нет, 1-есть);

5. Подвески (0-нет, 1-есть);

6. Браслеты, кольца (0-нет, 1-есть);

7. Раковины каури (0-нет, 1-есть);

8. Зеркала (0-нет, 1-есть);

9. Шелковые ткани (0-нет, 1-есть);

10. Монеты (0-нет, 1-есть);

11. «Кошелек» (0-нет, 1-есть);

12. Игральные кости (0-нет, 1-есть);

13. Ковры (0-нет, 1-есть).

IV.7. Атрибуты власти.

1. Жезл (0-нет, 1-есть);

V. Категория **Жертвенная пища** включает следующие совокупности признаков:

V.1. Продукты скотоводства

1. Баран (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

2. Корова (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

3. Коза (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

4. Лошадь (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

5. Свинья (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

6. Собака (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

V.2. Продукты охоты

1. Дикие копытные животные (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

V.3. Продукты рыболовства

1. Рыба (0-нет, 1-одно животное, 2-два-три, 3-четыре-десять особей, 4-одиннадцать особей и более);

V.4. Продукты земледелия

1. Зерна злаков (0-нет, 1-есть).

ИВОЛГИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Иволгинский могильник находится в 0,8 км к северу от Иволгинского городища и включает 216 погребений, раскопанных А.В.Давыдовой в течение семи полевых сезонов с 1956 по 1970 гг. Общая вскрытая площадь 80 тыс. м². Все материалы памятника опубликованы (Давыдова 1996). Кроме этого, на могильнике, по всей видимости, находилось еще какое-то количество погребений, которые были уничтожены в результате выборки песка с территории памятника местными жителями и грабительских раскопок 1968 г.

Методика исследования была охарактеризована в предыдущей главе. Первоначально из общего массива захоронений были выделены одиночные мужские, женские и детские погребения, определенные И.И.Гохманом (Давыдова 1996:77-81 Прил.1):

мужские: №№ 1, 3, 46, 46, 60, 83, 98, 102, 117, 120, 141, 152, 155, 163, 167, 189, 191, 192, 193, 196 (всего 20 погребений);

женские: №№ 2, 7, 8, 39, 49, 52, 74, 76, 88, 100, 119, 125, 138, 139, 159, 173, 179, 190, 195, 199, 200, 204, 206, 207, 210, 211, 212, 215 (всего 28 погребений);

детские: №№ 4, 9, 10, 32, 36, 38, 40, 71, 81, 94, 95, 105, 114, 121, 122, 133, 165, 176, 178, 188, 201, 205, 208, 216 (всего 24 погребения).

Исследование конструктивных особенностей погребального обряда взрослых и детских захоронений показало, что для мужских и женских погребений характерно схожее распределение по типам погребальных сооружений (преобладание захоронения в срубе, определенное распространение погребений в яме и незначительное число погребений в гробовище). Детские захоронения гораздо чаще встречались в простых ямах, кроме этого имеются детские погребения в сосуде.

Оказалось, что длина мужских погребальных сооружений не была меньше 2 м, тогда женские погребения совершались в яме меньшей длины (до 1,6 м). Длина более 50% детских погребений была меньше 1,6 м и редко больше 1,8 м. Средняя длина мужских захоронений была на 20-40 см больше женских погребений.

Ширина большинства мужских захоронений укладывалась в пределах 0,6-1 м, не было зафиксировано ни одного мужского погребения шириной менее 0,4 м. Средняя ширина женских погребений была несколько меньше. Кроме того, не было зафиксировано женских захо-

ронений более 2 м, из чего можно предположить, что все могилы длиной 2 м и более мужские. Ширина детских погребений равнялась, в основном, 0,4-0,7 м, впрочем встречались и захоронения меньшего размера.

Распределение ориентации мужских и женских костяков примерно совпадало (большинство ориентированы на NNO, гораздо реже строго на N, в целом, меньше с южной ориентацией с отклонениями на W и O; правда, оказалось мало женских погребений ориентированных на NO). Среди детских захоронений оказались погребения, ориентированные на SW.

Для получения дополнительной информации о половозрастных отличиях погребального обряда был осуществлен факторный анализ признаков сопроводительного инвентаря с целью выявления соответствующих факторных нагрузок. Для этих целей были составлены отдельные матрицы коэффициентов корреляции признаков совокупностей мужских, женских и детских выборок.

Для мужских погребений была составлена квадратная матрица коэффициентов корреляции между каждой парой признаков 19x19. В нее были включены признаки, которые встречались в антропологически определенных мужских захоронениях:

1.нож	11. пояс
2.шилья	12. ажурные бляхи
3.пуговицы	13. сбруя
4.другие предметы труда и быта	14. бусы
5.стрелы металлические	15. кольца
6.стрелы костяные	16. кости барана
7.лук	17. кости коровы
8.кинжал	18. кости рыб
9.керамика	19. злаки
10. посуда лаковая	

В результате использования метода главных компонент была получена факторная матрица, в которой было проанализировано 19 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -20,477). Был выделен один фактор (собственное значение - 17,1813, доля объяснимой дисперсии 90,4%). Результаты видны из соответствующей таблицы факторных нагрузок (Табл. 1). Незагруженным оказался только признак 8 (керамика), ниже других оказалась факторная нагрузка признака 1 (нож).

Для проверки полученных факторов был произведен факторный анализ всех признаков (с сопроводительным инвентарем сопоставлялись размеры погребальных сооружений, ориентировка захороненных

Таблица 1

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря мужских погребений Иволгинского могильника после применения метода главных компонент.

20 погребений	Factor 1
нож	0,712202
шилья	0,976371
пуговицы	0,976371
стрелы	0,976371
металлические стрелы костяные	0,976371
Лук	0,976371
кинжал	0,976371
керамика	0,684048
посуда лаковая	0,976371
пояс	0,976371
бляхи ажурные	0,976371
сбруя	0,976371
бусы	0,976371
кольца	0,976371
баран	0,976371
корова	0,976371
рыба	0,976371
злаки	0,976371
Expl.var	17,18126
Prp.totl	0,904277

1. нож
2. котел
3. шилья
4. пуговицы
5. другие предметы труда и быта
6. стрелы металлические
7. лук
8. керамика
9. посуда лаковая
10. пояс
11. ажурные бляхи
12. сбруя
13. бусы

и пр.). Была составлена факторная матрица, в которой были учтены 25 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -26,108). После процедуры вращения методом варимакс было выделено два фактора. Собственное значение первого фактора 20,7753 (83,1%), второго 1,79089 (доля объяснимой дисперсии 7,2%). Первый фактор, как и в предыдущем случае, оказался загруженным признаками 2-8, 10-19, отражающими наиболее распространенный набор инвентаря мужских погребений (Табл. 2).

Таким образом, можно сделать вывод, что 17 из 19 выделенных признаков, вероятно, типичны для сопроводительного инвентаря мужских захоронений Иволгинского могильника. По всей видимости, такие признаки как нож и керамика оказались характерны не только для мужских погребений.

Признаки сопроводительного инвентаря женских погребений были объединены в квадратную матрицу корреляции размером 24x24 переменные.

14. бисер
15. подвески
16. кольца
17. раковины
18. монеты
19. кости барана
20. кости коровы
21. кости свиньи
22. кости неопределенные
23. кости рыб
24. злаки

Для анализа был избран метод главных компонент. Была получена факторная матрица с 24 переменными (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -26,978). Выделенным оказался один фактор (собственное значение -21,9204, доля объяснимой дисперсии 91,3%). Результаты видны из соответствующей таблицы факторных нагрузок (Табл. 3). Незагруженным оказался лишь признак 1 (нож).

С целью проверки данного вывода был осуществлен факторный анализ всех признаков (показатели погребальных сооружений, ориентировка захороненных, сопроводительный инвентарь и т.д.). Была составлена факторная матрица, включающая 31 переменную (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -23,028). После процедуры вращения методом варимакс было выделено два фактора (Табл. 4). Собственное значение первого фактора 26,5383 (доля объяснимой дисперсии 85,6%), второго

1,42468 (доля объяснимой дисперсии 4,6%). Первый фактор оказался загруженным большинством признаков (исключая нож и керамику, которые, судя из анализа инвентаря мужских захоронений, широко распространены во всех совокупностях взрослых погребений), а также

Таблица 2

Факторные нагрузки признаков мужских погребений Иволгинского могильника после применения метода главных компонент и вращения факторов методом варимакс.

20 погребений	Factor 1	Factor 2
шилья	0,959878	0,178825
палочки	0,959878	0,178825
ложки	0,959878	0,178825
меха	0,959878	0,178825
пуговицы	0,959878	0,178825
другие предметы	0,959878	0,178825
стрелы	0,959878	0,178825
металлические стрелы костяные	0,959878	0,178825
Лук	0,959878	0,178825
пояс	0,959878	0,178825
панцирь	0,959878	0,178825
керамика	0,352549	0,78529
посуда лаковая	0,959878	0,178825
посуда ритуальные	0,257643	0,746943
пояс	0,959878	0,178825
сбруя	0,959878	0,178825
бусы	0,959878	0,178825
подвески	0,959878	0,178825
зеркала	0,959878	0,178825
золото	0,959878	0,178825
кости	0,959878	0,178825
баран	0,565468	-0,45685
корова	0,584261	-0,29897
коза	0,959878	0,178825
собака	0,959878	0,178825
кости диких жив.	0,959878	0,178825
Expl.Var	21,12184	2,176224
Prp.Totl	0,812378	0,083701

Таблица 3
Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря женских погребений Иволгинского могильника после применения метода главных компонент.

28 погребений	Factor 1
Нож	0,629442
Котел	0,976554
Шилья	0,976554
Пуговицы	0,976554
другие предметы	0,976554
Стрелы металлические	0,976554
стрелы костяные	0,976554
Лук	0,976554
Керамика	0,737401
Пояс	0,976554
Ажурные бляхи	0,976554
Сбруя	0,976554
Бусы	0,976554
Бисер	0,976554
Подвески	0,976554
Кольца	0,976554
Раковины	0,976554
Монеты	0,976554
Баран	0,976554
Корова	0,976554
Свинья	0,976554
неопред. кости	0,976554
Рыба	0,976554
Зпаки	0,976554
Expl.Var	21,92043
Prp.Totl	0,913351

Результаты видны из таблицы факторных нагрузок (Табл. 5).

Результаты были откорректированы посредством анализа другой матрицы, включающей помимо признаков сопроводительного инвентаря и иные показатели (размеры захоронений, ориентация, тип погребального сооружения и др.). Была составлена новая корреляционная

показал сильную связь признаков инвентаря с полом захороненных.

Аналогичным способом была составлена корреляционная матрица для признаков сопроводительного инвентаря детских захоронений. В нее были включены следующие признаки:

1. нож
2. пуговицы
3. другие предметы труда и быта
4. стрелы костяные
5. керамика
6. посуда бронзовая
7. посуда ритуальная
8. пояс
9. ажурные бляхи
10. сбруя
11. бусы
12. бисер
13. подвески
14. кольца
15. раковины

Анализ корреляционной матрицы был осуществлен методом главных компонент. В результате была получена факторная матрица, включающая 15 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -16,361). В результате был выделен один фактор (собственное значение -13,8964, доля объяснимой дисперсии 92,6%), в котором оказались загруженными все признаки. Резуль-

Таблица 4

Факторные нагрузки признаков женских погребений Иволгинского могильника после применения метода главных компонент и вращения факторов методом варимакс

28 погребений	Factor 1	Factor 2
Палочки	0,924831	0,314498
Меха	0,924831	0,314498
другие предметы	0,924831	0,314498
стрелы костяные	0,924831	0,314498
Лук	0,924831	0,314498
Керамика	0,924831	0,314498
посуда лаковая	0,924831	0,314498
Пояс	0,924831	0,314498
Сбруя	0,924831	0,314498
Кости	0,924831	0,314498
Баран	0,571282	0,051023
Корова	0,27395	0,891881
Коза	0,260492	0,903828
кости диких жив.	0,924831	0,314498
Expl.Var	9,877708	2,702956
Prp.Totl	0,705551	0,193068

матрица размером 22x22 признак. После анализа методом главных компонент и вращения полученной факторной матрицы из 22 переменной (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -22,694) было выделено два фактора. Собственное значение первого фактора 18,5595 (доля объяснимой дисперсии 84,4%), второго 1,41600 (доля объяснимой дисперсии 6,4%). Первый фактор также оказался загруженным практически всеми признаками сопроводительного инвентаря (исключая только керамику), фиксируется сильная корреляция признаков инвентаря с возрастом захороненных (Табл. 6).

Составим теперь совокупности наиболее характерных признаков мужских, женских и детских погребений. Ряд признаков встречается во всех половозрастных совокупностях захоронений (пуговицы, костяные стрелы, пояс, ажурные бляхи, сбруя, бусы, кольца). Такие признаки как нож и керамика очень широко распространены в погребениях могильни-

Таблица 5

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря детских погребений Иволгинского могильника после применения метода главных компонент.

24 погребения	Factor 1
Нож	0,976961
Пуговицы	0,976961
Другие предметы	0,976961
стрелы костяные	0,976961
посуда бронзовая	0,976961
Керамика	0,730796
сосуда ритуальные	0,976961
Пояс	0,976961
Ажурные бляхи	0,976961
Сбруя	0,976961
Бусы	0,976961
Бисер	0,976961
Подвески	0,976961
Кольца	0,976961
раковины	0,976961
Expl.var	13,89639
Prp.totl	0,926426

Таблица 6
Факторные нагрузки признаков детских погребений Иволгинского могильника после применения метода главных компонент и вращения факторов методом варимакс.

24 погребения	Factor 1
Нож	0,977238
Меха	0,977238
другие предметы	0,977238
Керамика	0,534497
сосуда ритуальные	0,977238
Пояс	0,977238
золото	0,977238
Кости	0,977238
Кости диких жив.	0,977238
Exp1.Var	7,925643
Prp.Totl	0,880627

ка. В то же самое время имеются и определенные отличия. Так в детских погребениях фиксируются ритуальные и бронзовые сосуды, но для них практически не характерно присутствие оружия и ритуальной пищи. Женские погребения больше сопровождаются украшениями, чем мужские (бисер, подвески, раковины, монеты). С женскими захоронениями более связано ритуальное жертвоприношение свиньи. В мужских погребениях, напротив, чаще встречаются предметы вооружения, нехарактерные для захоронений женских (например, кинжалы). В целом, по характеристике сопроводительного инвентаря имеются свои специфические нюансы для каждой из половозрастных совокупностей, что позволяет в ряде случаев достаточно точно определять пол и отчасти возрастную группу захороненных.

Следующим этапом исследования явилась процедура половозрастной интерпретации прочих одиночных захоронений Иволгинского могильника (122 погребения), не включенных в обозначенные выше выборки мужских, женских и детских захоронений. Дополнительно в совокупность одиночных мужских захоронений были включены погребения №№ 25, 28, 54, 55, 57, 58, 69, 77, 84, 96, 99, 108, 109, 112, 115, 134, 140, 151, 186, 202 (всего 20 погребений). В совокупность одиночных женских захоронений были включены погребения №№ 15, 17, 21, 24, 30, 31, 34, 44, 45, 51, 62, 64, 66, 68, 107, 113, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 131, 132, 137, 142, 145, 148, 153, 156, 170, 171, 172, 177, 181, 183, 184, 197, 203 (всего 39 погребений). В группу одиночных детских захоронений были включены погребения №№ 12, 13, 16, 50, 63, 79, 82, 90, 103, 110, 127, 130, 135, 136, 143, 144, 147, 154, 198, 213 (всего 20 погребений). Захоронения №№ 5, 6, 11, 14, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27, 29, 37, 41, 43, 53, 56, 59, 61, 65, 67, 70, 73, 78, 86, 87, 89, 92, 93, 104, 106, 111, 116, 118, 146, 150, 157, 160, 161, 164, 185, 187, 209 остались неопределенными (всего 43 погребения).

Далее поочередно исследовались все мужские, женские и детские погребения. Для этих целей была применена процедура кластерного

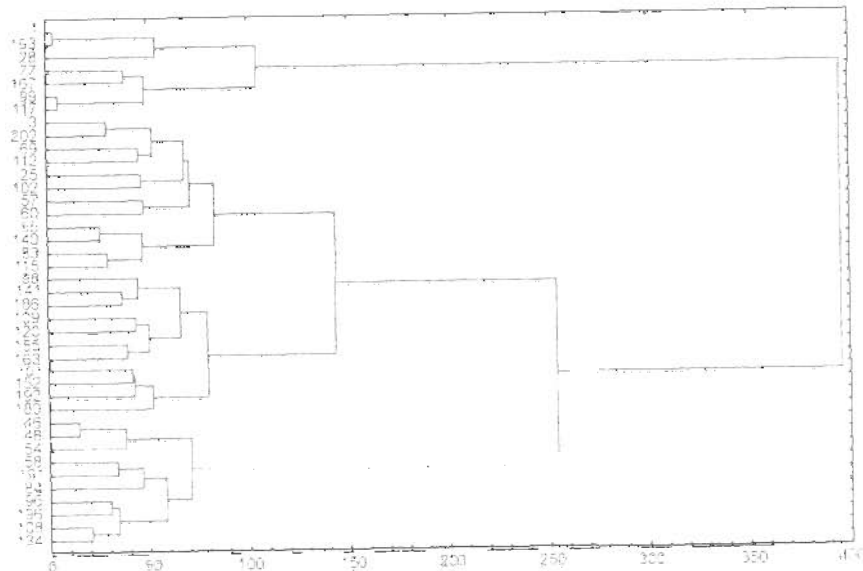

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа мужских погребений Иволгинского могильника.

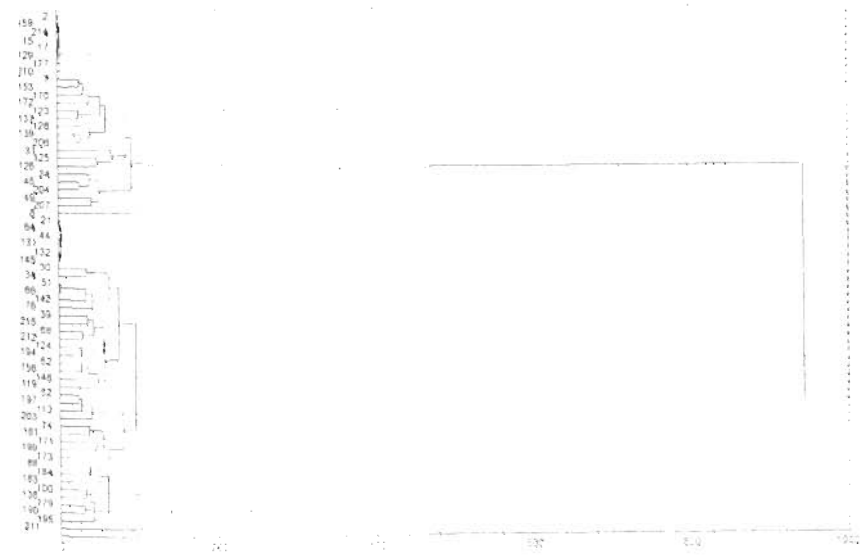

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа женских погребений Иволгинского могильника.

анализа (в этом и во всех последующих случаях в данной книге был применен метод Варда).

Для исследования совокупности мужских захоронений была создана матрица 40x40 погребений. По степени сходства все захоронения разбились на два кластера (Рис. 1). В кластер 1 вошли 7 погребений (№№ 1, 28, 77, 99, 117, 167, 193). Захоронения преимущественно совершались в гробе или в гробовище, 4 из 6 захоронений сопровождалась керамикой. В единственном случае были представлены шило, ритуальный сосуд, кости овцы.

Кластер 2 состоит из двух субкластеров 2А (23 погребения) и 2В (10 захоронений). В свою очередь субкластер 2А разбивается еще на два субкластера 2АА (12 погребений) и 2АВ (11 погребений). По разнообразию сопроводительного инвентаря все три субкластера гораздо ближе друг к другу, чем к кластеру 1.

В субкластер 2АА включено 12 захоронений (№№ 3, 25, 55, 57, 60, 69, 83, 102, 112, 115, 140, 202). Из них 8 захоронений совершены в гробе, 4 - в яме. В погребениях представлены металлические и костяные стрелы, обкладки лука, керамика, другие (в том числе неопределенные) предметы быта, бусы, остатки рыбной заупокойной пищи. В единственном экземпляре представлены нож, кинжал, кости различных видов домашних и диких животных.

В кластер 2АВ включено 11 погребений (№№ 98, 109, 120, 141, 151, 152, 155, 163, 186, 189, 192). Это как захоронения в гробе и гробовище, так и погребения в простой яме без гроба. Погребения сопровождалась ножами, шильями, пуговицами, другими (в том числе неопределенными) предметами быта, простыми и ажурными поясными бляхами, керамикой (во всех без исключения могилах), кольцами, костями барана, злаками и рыбой. В единичном случае представлены характерные для кластера 2АА металлические наконечники стрел и лук, кинжал, также в одном случае обнаружены кости коровы, но появляется ранее нефиксированная лаковая посуда.

Кластер 2В состоит из 10 захоронений (№№ 46, 48, 54, 58, 84, 96, 108, 134, 191, 196). Все эти погребения либо в гробу, либо в простой яме. В отличие от других групп все погребения данного кластера жестко ориентированы на NNO и NO. Захоронения сопровождаются ножами, шильями, пуговицами, другими предметами быта, металлическими и костяными наконечниками стрел, луком, кинжалами, керамикой, поясом, сбруей. В захоронениях отсутствует ритуальная пища. В одном экземпляре представлены кольца, монеты, игральные кости.

Интерпретируя эти данные, мы можем предполагать наличие в социальной структуре мужского населения Иволгинского городища двух резко отличающихся социальных групп мужского населения. Первая группа, вероятно, достаточно немногочисленная (кластер 1). Для захоронений этой категории населения характерен бедный инвентарь. Можно допустить низкий общественный и экономический статус этой группы, участие данных лиц в общественном производстве в качестве эксплуатируемого слоя. Вторая группа населения (кластер 2) близка по положению между собой, сопровождается предметами быта, вооружения, украшениями и жертвенной пищей. От первой группы она отличается более разнообразным инвентарем и, что особенно важно, наличием *оружия*. Однако вторая группа также может быть условно разделена на три стратифицированные подгруппы (2АА-2АВ-2В). Вторая подгруппа отличается от первой дополнительно наличием *пояса*, а третья от второй наличием *сбруи*. Заманчиво было бы видеть в таких признаках как оружие, пояс и сбруя критерии общественного статуса жителей Иволгинского городища. Однако никаких оснований для столь категоричного утверждения у нас нет.

В целом, все это позволяет сделать вывод как о наличии в структуре мужского населения двух, так и четырех социальных групп. Однако, прежде чем делать окончательный вывод, целесообразно было бы обратиться к анализу структуры других половозрастных категорий населения городища.

Женские погребения были исследованы посредством анализа кластерной матрицы 66x66 захоронений. В результате все захоронения были разбиты на два примерно равных кластера (Рис. 2). Кластер 1 составил 32 погребения. Он резко распадается на два субкластера 1А (25 захоронений) и 1В (7 погребений). В свою очередь субкластер 1А может быть разбит еще на два субкластера 1АА (8 захоронений) и 1АВ (17 погребений). Кластер 2 состоит из 34 погребений. Он может быть разложен на два субкластера 2А (25 погребений) и 2В (9 погребений). Рассмотрим теперь каждую из выделенных групп подробно.

Субкластер 1АА состоит из 8 погребений (№№ 2, 15, 17, 129, 159, 177, 210, 214). Это либо захоронения в яме, либо в гробу. Единственным сопровождающим инвентарем (но во всех погребениях без исключения) является керамика (количество сосудов разное).

Субкластер 1АВ включает 17 погребений (№№ 7, 24, 31, 45, 49, 123, 125, 126, 128, 137, 139, 153, 170, 172, 204, 206, 207). Это погребения в гробу, в гробовище, в яме без гроба. Захоронения сопровождаются ножами, частями лука, керамикой, прочими (в том числе неопреде-

ленными) предметы быта, из украшений – бусами, подвесками, кольцами, а также костями овцы или барана. В единичном экземпляре представлены шилья, монета, кости свинья, иных неопределенных животных, рыба, злаки.

Субкластер 1В состоит из 7 захоронений (№№ 8, 21, 44, 64, 131, 132, 145). Это также погребения в гробу, в гробовище и в яме без гроба. Однако все захоронения безинвентарные.

Субкластер 2А самый массовый. Он объединяет 25 могил (№№ 30, 34, 39, 51, 52, 62, 66, 68, 74, 76, 113, 119, 124, 142, 148, 156, 171, 173, 181, 194, 197, 199, 203, 212, 215). За исключением одного погребения в гробовище (обряд еще одного захоронения оказался невыясненным) погребения данного субкластера совершались либо в простой яме, либо в гробу. Можно визуальнo проследить некоторое увеличение размеров могильных ям, в том числе и глубины захоронения. Данные погребения оказались сопровождаемыми ножами, шильями, керамикой в разном количестве сосудов, другими предметами быта, поясом, бусами, подвесками, кольцами, раковинами, костями барана, рыбой. В одном случае был обнаружен котел, лук, металлический наконечник стрелы, ритуальный сосуд, ажурная бляха, колокольчик, принадлежности сбруи, бисер, монета, кости крупного рогатого скота, злаки.

Последний субкластер 2В включает 9 погребений (88, 100, 138, 179, 183, 184, 190, 195, 211). Это погребения в гробу, в гробовище, захоронения в яме. Размеры могильных ям еще больше. Погребения сопровождаются ножами, шильями, пуговицами, другими (в том числе неопределимыми) предметами быта и труда, металлическими наконечниками стрел, керамикой (за исключением погребения 138, где нет керамики, во всех захоронениях от двух и более сосудов), поясом, в том числе и с ажурными бляхами, бусами, бисером, подвесками, кольцами, раковинами, костями мелкого и крупного рогатого домашнего скота, злаками. В одном экземпляре представлены костяные наконечники стрел и лук, серьги, монета, останки сзиньи, кости диких животных и рыбы.

Таким образом, совокупность женских погребений расщепляется на пять групп. Первая группа погребений (1В) безинвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) – появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) – инвентарь становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) – данные признаки становятся массовыми, становится более разнообразной заупокойная тризна. В целом, это дает возможность в зависимости от разных критериев классифика-

ции от трех до пяти категорий (1В-1АА1АВ-2А2В, 1В1АА-1АВ2А-2В, 1В-1АА-1АВ2А-2В, 1В-1АА-1АВ-2А-2В и пр.).

Для исследования совокупности детских погребений была создана кластерная матрица 45х45 погребений. Выборка разбивается на два далеко отстоящих друг от друга по степени сходства кластера. В кластер 1 вошли 10 погребений. Кластер 2 составили 35 захоронений. В свою очередь кластер 2 делится на два субкластера 2А (33 погребения) и 2В (2 погребения), из которых первый подразделяется еще на два субкластера 2АА (18 захоронений) и 2АВ (15 захоронений). Субкластер 2АА также может быть разбит на два субкластера 2ААА (11 погребений) и 2ААВ (7 погребений) (Рис. 3).

Кластер 1 (10 захоронений, №№ 4, 9, 96, 127, 143, 144, 165, 198, 208, 216) состоит из могил в яме и специфических детских погребений в сосуде. Размеры могильных ям, как правило, небольшие. Форма ям часто не позволяет выявить ориентацию захороненных. Единственной массовой категорией сопроводительного инвентаря является керамика. Все остальные находки (подвески, крошки изделия из бронзы, бабки, кости домашнего крупного и мелкого рогатого скота и неопределенных животных) встречаются только по одному разу.

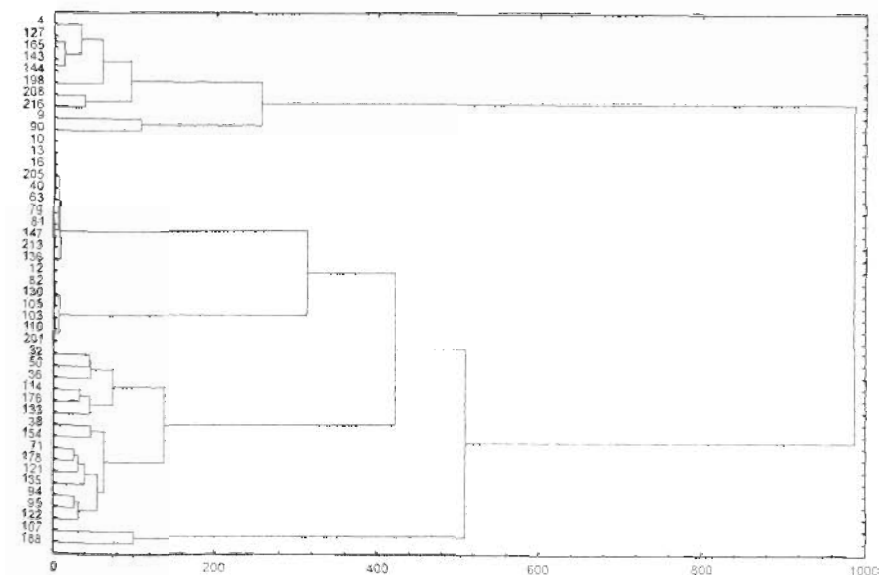

Рис. 3. Дендрограмма кластерного анализа детских погребений Иволгинского могильника.

Субкластер 2AAA (11 погребений, №№ 10, 13, 15, 40, 63, 79, 81, 136, 147, 205, 213) состоит в основном из могил в ямах. Только 3 погребения в гробу. Длина погребений около 1,5 м, глубина до 1 м. Основная ориентация костяков NNO. Из инвентаря встречается только керамика, зафиксированная во всех погребениях без исключения.

Субкластер 2AAB составляют 7 погребений (№№ 12, 82, 103, 105, 10, 130, 201). Большинство захоронений выполнены в ямах. Их длина в среднем также около 1,5 м, глубина до 1 м. Ориентация погребенных делалась как в северную, так и в южную сторону. Сопроводительного инвентаря в захоронениях не обнаружено.

К субкластеру 2AB относятся 15 погребений (№№ 32, 36, 38, 50, 71, 94, 95, 114, 121, 122, 133, 135, 154, 176, 178), 10 из них совершены в ямах без гроба, 2 в гробах, 3 представляют собой захоронения в сосуде в яме. Размеры ям не очень сильно отличаются от размеров могильных сооружений других субкластеров кластера 2. Ориентация преимущественно к NNO с вариациями. Этот субкластер наиболее богат сопроводительным инвентарем. В погребениях встречены ножи, другие предметы быта, керамика, ритуальные сосуды, пояс, в том числе с ажурными бляхами, сбруя, бусы, бисер, подвески, кольца, раковины. Только один раз встречались пуговицы, костяные наконечники стрел, бронзовый сосуд, кости барана и злаки.

В субкластер 2B вошли всего два погребения (№№ 107, 188). Оба погребения безинвентарные. Первое выделяется своими большими для детского захоронения размерами (190x100x76), размеры второго вооб-

ще проследить не удалось. Вероятно, поэтому данные погребения выделены в отдельную группу. При интерпретации всей выборки их можно либо не учитывать, либо включить в группу наиболее бедных безинвентарных захоронений могильника.

В целом, совокупность детских погребений дифференцируется на три группы. К первой группе относятся безинвентарные погребения (2AAB+2B), ко второй – погребения с керамикой (2AAA), к третьей – захоронения субкластера 2AB с разнообразным сопроводительным инвентарем. Отдельно следует рассматривать погребения кластера 1, которые условно обозначены нами как «младенческие».

Таким образом, анализируя мужские, женские и детские захоронения Иволгинского могильника, можно выделить несколько уровней социальной дифференциации. С одной стороны выделяются безинвентарные захоронения низших групп общества, имевших низкий имущественный и социальный статус. На другом плече общества обеспеченные жители городища. Их погребения сопровождаются разнообразным сопроводительным инвентарем, оружием, обильной заупокойной пищей. Между этими крайними точками фиксируется достаточно широкое количество прослоек (в мужских захоронениях до трех, в женских – от двух до четырех, в детских – одна). Так или иначе, все это свидетельствует о сложной общественной структуре населения городища.

Таблица 7

Погребения Иволгинского могильника

Иволгинский могильник	М	1	безинвентарные погребения
		2AA	погребения с инвентарем
	2AB	инвентарь + пояс	
	2B	инвентарь + пояс + сбруя	
	Ж	1B	безинвентарные погребения
		1AA	керамика
		1AB	инвентарь (в т.ч. керамика)
		2A	более разнообразный инвентарь (в т.ч. сбруя, монеты, украшения)
		2B	еще более разнообразный инвентарь, заупокойная тризна
	дети	1	погребения в сосуде
		2AAB	безинвентарные погребения
		2AAA	керамика
		2AB	инвентарь (в т.ч. керамика)

ДЫРЕСТУЙСКИЙ КУЛТУК

Могильник Дырестуйский Култук расположен на левом берегу р. Джиды в 8 км от села Дырестуй. Памятник был открыт в 1900 г. Ю.Д.Талько-Грынцевичем, который раскопал 26 могил (1999). Впоследствии некрополь исследовался П.Б.Коноваловым и С.С.Миняевым. На настоящий момент здесь раскопано 130 захоронений (Сосновский 1935; Коновалов 1976: 135-149; Коновалов, Цыбиктаров 1988; Миняев 1985; 1987; 1988; 1992; 1998).

Изучение погребений могильника Дырестуйский Култук осуществлялось аналогично анализу Иволгинского могильника. Сначала были выделены выборки определенных антропологами мужских, женских и детских одиночных погребений:

мужские: №№ 21, 28, 33, 44, 45, 48, 50, 55, 56, 57, 60, 62, 64, 72, 73, 75, 76, 79, 81, 82, 86, 90, 91, 97, 99, 100, 101, 112, 117, 120, 123, 124 (всего 32 погребения);

женские: №№ 7, 8, 9, 38, 40, 41, 42, 49, 52, 58, 63, 68, 70, 71, 78, 83, 84, 89, 92, 93, 95, 98, 102, 106, 107, 108, 114, 115, 118, 119, 122, 126, 128, 129, 130 (всего 35 погребений);

детские: №№ 24, 29, 39А, 43, 44А, 44Б, 44В, 51, 53, 54, 59, 66, 69, 80, 87, 88, 94, 109, 127 (всего 19 погребений).

Всего, таким образом, в выборку было включено 86 погребений – почти 2/3 от всего массива раскопанных захоронений.

Рассмотрение особенностей надмогильных и могильных сооружений мужских, женских и детских погребений показало наличие сходства между выборками. Визуальные отличия между взрослыми и детскими погребениями лучше всего видны в размерах могильных ям. Длина большинства детских захоронений, как правило, до 2 м, ширина – до 1 м, практически нет детских захоронений глубже 1,5 м. Различия между мужскими и женскими могилами не столь существенны. Однако при ширине могильной ямы более 1 м и глубине более 1,5 м вероятность того, что здесь был погребен мужчина, возрастает.

Для получения дополнительной информации об отличиях между рассматриваемыми выборками погребений был проведен факторный анализ признаков сопроводительного инвентаря каждой из выделенных совокупностей в отдельности. Признаки сопроводительного инвентаря мужских захоронений первоначально были объединены в квад-

ратную матрицу корреляции размером 34x34 переменных. В нее были включены следующие признаки:

1. Нож	18. Колокольчики
2. Лопата	19. Сбруя
3. Котел	20. Бусы
4. Шелковая одежда	21. Серьги
5. меховая одежда	22. Подвески
6. Пуговицы и застёжки	23. Браслеты, кольца
7. Другие предметы быта	24. Раковины каури
8. Металлические стрелы	25. Монеты
9. Костяные стрелы	26. «Кошелек»
10. Лук	27. Игральные кости
11. Кинжал	28. Баран
12. Панцирь	29. Корова
13. Лепные и станковые сосуды	30. Коза
14. Лаковые изделия	31. Лошадь
15. Пояс простой	32. Свинья
16. ажурные бронзовые бляхи	33. Собака
17. Золотые, позолоченные и серебряные бляхи	

Исследование корреляционной матрицы было осуществлено посредством метода главных компонент. Полученная факторная матрица из 31 переменной (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -49,320) позволила выделить три фактора (собственное значение каждого соответственно – 5,09145, 3,79144, 3,60922). Загруженными оказались все признаки сопроводительного инвентаря (Табл. 8).

К сожалению, из-за большого количества пропущенных данных по надмогильным сооружениям не удалось для проверки составить другую матрицу, которая включала бы помимо признаков сопроводительного инвентаря и иные показатели (размеры захоронений, ориентация, тип погребального сооружения и др.).

Для исследования признаков сопроводительного инвентаря женских погребений сначала была составлена квадратная матрица корреляции также размером 31x31 переменную. Она включала следующие признаки:

1. Нож	4. Другие предметы быта
2. Шилья и иголки	5. Металлические наконечники стрел
3. Пуговицы и застёжки	

Таблица 8

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря мужских погребений могильника Дэрестуйский Култук после применения метода главных компонент.

32 погребения	Factor 1	Factor 2	Factor 3
Нож	0,218909	0,029630	0,371973
Лопата	0,793467	0,050097	0,097805
Шилья	0,047848	0,059287	0,088280
Шелк	0,118891	0,230747	0,171121
Меха	0,084211	0,227392	0,864307
Пуговицы	0,244906	0,654679	0,072790
Другие	0,220728	0,414139	0,384712
Стрелы м	0,376255	0,580104	0,108822
Стрелы к	0,052946	0,273198	0,105402
Лук	0,079477	0,481901	0,162628
Кинжал	0,047569	0,601801	0,010429
Панцирь	0,041503	0,595450	0,026659
Керамика	0,161504	0,559244	0,111423
П лак	0,032771	0,510801	0,217171
Пояс пр	0,289932	0,096269	0,294521
Бл ажу	0,137442	0,287944	0,618198
Бл зол	0,757648	0,210260	0,065386
Колокол	0,401101	0,422928	0,612406
Сбруя	0,328760	0,565329	0,400716
Бусы	0,544990	0,529290	0,022223
Серьги	0,935149	0,061741	0,080157
Подвески	0,410958	0,048629	0,637664
Кольца	0,185270	0,168936	0,457604
Раковины	0,304878	0,166991	0,333521
Монеты	0,084211	0,227392	0,864307
Кошелек	0,935149	0,061741	0,080157
Золото	0,155814	0,171069	0,618045
Кости	0,084884	0,085270	0,175081
Баран	0,100966	0,064278	0,242976
Корова	0,126733	0,069398	0,210687
Лошадь	0,037628	0,450094	0,107798
Expl.Var	4,345933	3,926943	4,219234
Prp.Totl	0,140191	0,126676	0,136104

получена факторная матрица из 31 переменной (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -11,561). В результате было выделено два фактора (собственное значение соответственно -5,02208 и 3,95016). Загруженными оказались все признаки сопроводительного инвентаря. Результаты нагрузок фактора видны из соответствующей таблицы (Табл. 9).

6. Лепные и станковые сосуды
7. Лаковые изделия
8. Ритуальные сосудики
9. Пояс с простыми бронзовыми или железными бляхами
10. Ажурные бронзовые бляхи
11. Золотые, позолоченные и серебряные бляхи
12. Колокольчики
13. Сбруя
14. Бусы
15. Бисер
16. Серьги
17. Подвески
18. Браслеты, кольца
19. Раковины каури
20. Шелковые ткани
21. Монеты
22. «Кошелек»
23. Игральные кости
24. Баран
25. Корова
26. Коза
27. Лошадь
28. Собака
29. Дикие животные
30. Злаки
31. Собирательство

Матрица была проанализирована методом главных компонент. В итоге была

Эти выводы были откорректированы путем составления другой матрицы, которая включала более широкой круг переменных. Наряду с признаками сопроводительного инвентаря в нее были включены данные об особенностях надмогильных сооружений, типах и размерах могил и пр. После факторного анализа корреляционной матрицы была получена факторная матрица из 31 переменной (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -10,400). После вращения факторной матрицы методом варимакс было выделено три фактора. Собственное значение первого фактора 4,89233, второго - 3,75216, третьего - 3,23240. Первый, наиболее значимый фактор, как и при анализе только сопроводительного инвентаря, оказался максимально загруженным четырьмя переменными (три вышеуказанные и ажурные бляшки).

Для факторного анализа детских погребений изначально была составлена квадратная корреляционная матрица размером 21x21 переменные. В нее были включены следующие признаки:

1. Нож
2. Шелковая одежда
3. Пуговицы и застежки
4. Другие предметы быта
5. Металлические наконечники стрел
6. Лук
7. Бронзовые сосуды

Таблица 9

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря женских погребений могильника Дэрестуйский Култук после применения метода главных компонент

35 погребений	Factor 1	Factor 2
Нож	0,550316	0,394682
Шилья	0,502445	0,460941
Пуговицы	0,335454	0,115896
Другие	0,399914	0,250145
Стрелы м	0,173920	0,191326
Керамика	0,074304	0,271849
П лак	0,041741	0,217094
П ритуал	0,116655	0,269543
Пояс пр	0,177462	0,120453
Бл ажу	0,662516	0,317152
Бл зол	0,192274	0,004428
Колокол	0,424147	0,678061
Сбруя	0,205080	0,373612
Бусы	0,753426	0,040813
Бисер	0,606292	0,019238
Серьги	0,347058	0,019590
Подвески	0,713427	0,100487
Браслеты	0,172710	0,015418
Кольца	0,716729	0,062637
Раковины	0,636118	0,080549
Шелка	0,003545	0,269491
Монеты	0,452987	0,663744
Кошелек	0,147634	0,704442
Золото	0,278689	0,292525
Кости	0,028839	0,160794
Баран	0,029410	0,476197
Корова	0,437166	0,459881
Коза	0,143613	0,430449
Лошадь	0,333505	0,014747
Дикие ж	0,084258	0,148004
Злаки	0,147634	0,704442
Собирает	0,147634	0,704442
Expl.Var	4,801084	4,171156
Prp.Totl	0,150034	0,130349

8. Лепные и станковые сосуды
9. Лаковые изделия
10. Ритуальные сосудики
11. Пояс с простыми бронзовыми или железными бляхами

12. Сбруя	17. Раковины каури
13. Бусы	18. Монеты
14. Бисер	19. Баран
15. Подвески	20. Коза
16. Браслеты, кольца	21. Лошадь

Корреляционная матрица была проанализирована методом главных компонент. В результате была получена факторная матрица, включающая 19 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы - 7,9134). В результате было выделено три фактора (собственное значение факторов - 4,49548, 3,27505, 2,16453), в котором оказались загруженными ряд признаков. Результаты видны из таблицы (Табл. 10).

Для проверки этих выводов была подготовлена другая корреляционная матрица, в которую кроме признаков инвентаря захороненных были включены переменные, отражающие весь комплекс информации о детских захоронениях.

Таблица 10
Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря детских погребений могильника Дырестуйский Култук после применения метода главных компонент

19 погребений	Factor 1	Factor 2	Factor 3
Нож	0,034493	0,735505	0,400646
Шелк	0,021775	0,901162	0,101224
Пуговицы	0,006676	0,157571	0,763715
Другие	0,359893	0,002915	0,397238
Стрелы м	0,100788	0,111689	0,181118
Лук	0,972742	0,056374	0,029788
П бронз	0,972742	0,056374	0,029788
Керамика	0,092791	0,336231	0,373109
П лак	0,972742	0,056374	0,029788
П ритуал	0,095534	0,222673	0,025260
Пояс пр	0,103785	0,582740	0,408323
Сбруя	0,021775	0,901162	0,101224
Бусы	0,155246	0,389077	0,382611
Бисер	0,052689	0,024098	0,216746
Подвески	0,025058	0,698118	0,248493
Кольца	0,014251	0,132853	0,434053
Раковины	0,972742	0,056374	0,029788
Монеты	0,111063	0,052338	0,049362
Овца	0,582865	0,019385	0,715239
Expl.Var	4,335055	3,377491	2,225222
Prp.Total	0,228161	0,177763	0,116975

После анализа этой матрицы методом главных компонент и вращения полученной факторной матрицы из 25 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы - 26,727) было выделено два фактора. Собственное значение первого фактора 21,2193 (доля объяснимой дисперсии 84,9%), второго - 1,96577 (доля объяснимой дисперсии 7,9%). Первый фактор оказался загруженным всеми теми же признаками сопроводительного инвентаря.

Сопоставляя все три таблицы факторных

нагрузок, а также рассматривая встречаемость инвентаря в различных совокупностях захоронений, нетрудно заметить, что они отражают достаточно стандартное для первобытных и традиционных обществ распределение категорий инвентаря. Размеры могильных ям (кстати, как и гробов) в мужских и женских захоронениях больше по размерам, чем могилы детей.

Помимо большого числа признаков, типичных для всех трех групп погребений (ножи, пуговицы и застёжки, керамика, пояс, сбруя, бусы, подвески, различные кольца, монеты, кости домашних животных), только для мужских захоронений могильника Дырестуйский Култук характерны такие признаки как лопата, котел, остатки меховой одежды, некоторые предметы вооружения, чаще встречаются стрелы и лук. В мужских погребениях не встречается бисер, из костей домашних животных чаще встречается лошадь. Для женских погребений характерно обилие украшений, шелковые ткани, бисер. Только в женских и детских погребениях встречаются ритуальные и металлические сосуды. В то же время для детских захоронений характерно отсутствие шильев, костяных наконечников стрел, колокольчиков, серег, ажурных золотых и бронзовых блях, альчигов, костей крупного рогатого скота. В целом, все это дает сложную картину, которая, видимо, была обусловлена не

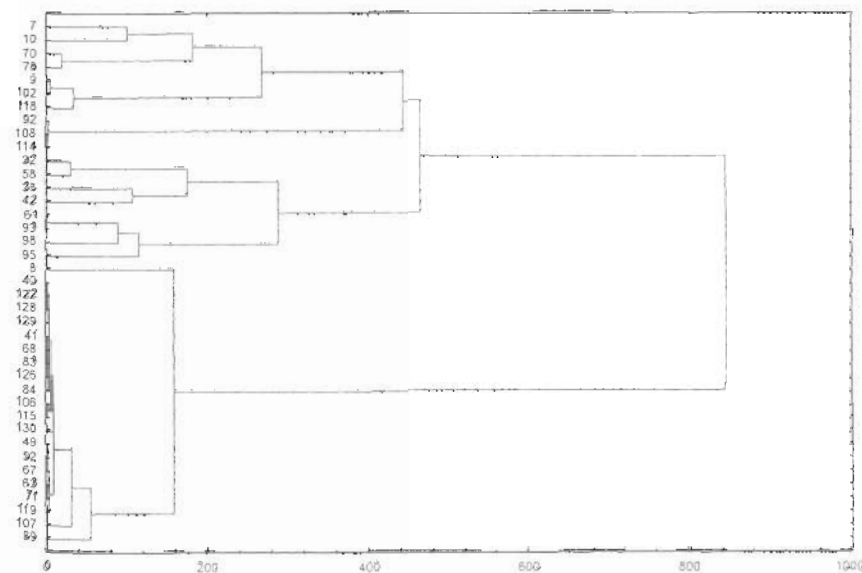

Рис. 4. Дендрограмма кластерного анализа мужских погребений могильника Дырестуйский Култук.

только половозрастными отличиями, но и наличием внутри каждой из совокупностей нескольких социальных групп.

Исходя из данных выводов, а также с учетом неполной антропологической интерпретации ряда костяков (№№ 10, 14, 16, 32, 61, 67, 103) мы попытались интерпретировать возраст и пол захороненных в остальных погребениях могильника Дырестуйский Култук. Нами было рассмотрено в общей сложности 44 захоронения. Дополнительно в группу мужских погребений были включены погребения №№ 14, 16, 34, 35, 125. К совокупности женских захоронений были добавлены погребения № 10, 32, 61, 67. К совокупности детских захоронений было добавлено погребение 74. Погребения №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 30, 31, 36, 37, 46, 47, 65, 84, 103, 104, 105, 110, 111, 113, 116, 121 оказались неопределенными. Большая часть этих захоронений (за исключением погребений №№ 36, 37, 46, 47, 103, 113, 116) оказались либо безинвентарными, либо сопроводительный материал в них незначителен и невыразителен.

Таким образом, общее число мужских погребений составило всего 37 погребений, женских – 39 погребений, детских – 20 погребений.

Для исследования выборки мужских захоронений методом кластерного анализа предварительно была составлена кластерная матрица 37x37 погребений (Рис. 4). В результате анализа погребения разделились на два кластера. В кластер 1 вошли 26 захоронений. Эти погребения четко подразделялись еще на две части. В субкластер 1А вошли 10 погребений (№№ 14, 21, 48, 57, 60, 64, 73, 82, 97, 124). В субкластер 1В вошли 16 погребений (№№ 16, 44, 50, 55, 56, 72, 75, 76, 79, 86, 91, 99, 100, 101, 112, 113). В кластер 2 выделились 11 погребений (№№ 28, 33, 34, 35, 45, 62, 81, 90, 117, 120, 125).

По конструктивным особенностям погребального обряда между кластерами 1А и 2 гораздо больше общего, чем с кластером 1В. Погребения кластера 1В, как правило, без надмогильных сооружений. В основном они выполнены без использования камней. Надмогильные сооружения кластера 2 сооружались часто с использованием камня. Все погребения кластера 1А выполнены с применением камня. В почти всех погребениях кластера 2 имеются каменные перекрытия над гробом. Более чем в половине захоронениях этого кластера сделана каменная обкладка гроба. В этих захоронениях также изредка встречались следы тризны и огня. Погребения кластера 1В выполнены только в гробе, тогда как в кластерах 1А и 2 встречаются другие виды погребального сооружения (главным образом, гроб в срубе). Длина, ширина и глубина захоронений кластеров 1А и 2, в целом, несколько больше, чем кластера 1В.

Ориентировка погребений всех трех кластеров достаточно стандартна (N, NNO, NO), только две могилы кластера 2 ориентированы на NNW.

Из категорий сопроводительного инвентаря во всех трех кластерах встречены ножи, пуговицы (в кластере 2 реже), лук, а также металлические и костяные стрелы, панцирные пластины, керамика, следы лаковых изделий, пояс с простыми и ажурными бляхами, колокольчики, предметы сбруи (в кластере 1А меньше), бусы, кольца, раковины, кости овцы и лошади, «другие» категории находок. В кластере 1А также встречены котел, остатки шелка, кинжал, золотые украшения, кости крупного рогатого скота и собаки. В кластере 1В – шилья и альчики. В кластере 2 – лопата, следы изделий из меха, золотые украшения, серьги, монеты, кошелек, кости крупного рогатого скота и козы. Только в кластерах 1В и 2 встречены подвески.

В целом, по количеству трудозатрат погребения кластеров 1А и 2 выглядят масштабнее, чем захоронения кластера 1В. По разнообразию сопроводительного инвентаря – они выглядят «богаче», в них также встречены украшения из золота. Однако в распространении сопроводительного инвентаря между кластерами 1А и 2 также имеются определенные отличия. Только в кластере 2 встречены монеты и кошелек, ряд украшений (раковины, бусы, подвески, кольца) и предметы сбруи имеют серийный характер. По этой причине правильнее было бы говорить о выделении трех социальных групп мужчин, захороненных в Дырестуйском могильнике. По всей видимости, более низкий статус имели захороненные, отнесенные нами к кластеру 1В. Статус погребенных в могилах кластеров 1А и 2, скорее всего, был выше. При этом, несколько более высокий статус должны были иметь погребенные в захоронениях кластера 2.

Для исследования женских могил была составлена кластерная матрица 39x39 погребений (Рис. 5). Все погребения разбились на два кластера. В кластер 1 вошли 18 погребений. Кластер разбивался еще на два субкластера – 1А (№№ 7, 9, 10, 0, 78, 92, 102, 108, 114, 118 – всего 10 погребений) и 1В (№№ 32, 38, 42, 58, 61, 93, 95, 98 – всего 8 погребений). В кластер 2 вошло 21 погребение (№№ 8, 40, 41, 49, 52, 63, 67, 658, 71, 83, 84, 89, 106, 107, 115, 119, 122, 126, 128, 129, 130).

Изучение особенностей погребального обряда и найденного в могилах сопроводительного инвентаря показало, что между выделенными группами есть определенные отличия. Все погребения кластера 2 не имели визуально прослеживающихся надмогильных сооружений. Насыль захоронений кластера 1 состояла как из земли, так и из камней. Захоронения субкластера 1В отличаются от захоронений субклас-

тера 1А наличием хорошо сохранившихся каменных насыпей, в т.ч. площадью до 64 кв. м, присутствием в них каменных перекрытий гроба и каменных обкладок могильной ямы. Все захоронения совершены в гробах или реже в гробовищах. Гроб в срубе встречается только в погребениях кластера 1. Длина могильных ям кластера 2 распределяется в соответствии с кривой Гаусса. Длина могильных ям субкластеров 1А и 1В более контрастна. Ямы, как правило, либо больших, либо маленьких размеров. Ширина погребений всего кластера 1 достаточно вариативна, тогда как ширина могил, вошедших в кластер 2 в основном находится в пределах 0.5-1 м. Глубина всех погребений вариативна. Важно отметить такую интересную деталь, что глубина могил субкластера 1В, в целом, несколько больше, чем погребений субкластера 1А. Ориентация погребенных, как правило, на N, несколько реже на NNO, еще реже на NO. В субкластере 1А одно погребение ориентировано на NNW.

Для всех трех групп характерны многочисленные категории находок. Во всех трех кластерах встречались ножи, керамика, пояс и ажурные бронзовые бляхи, колокольчики, бусы, бисер, раковины, подвески, кольца, кости пород мелкого рогатого скота и «другие» категории находок.

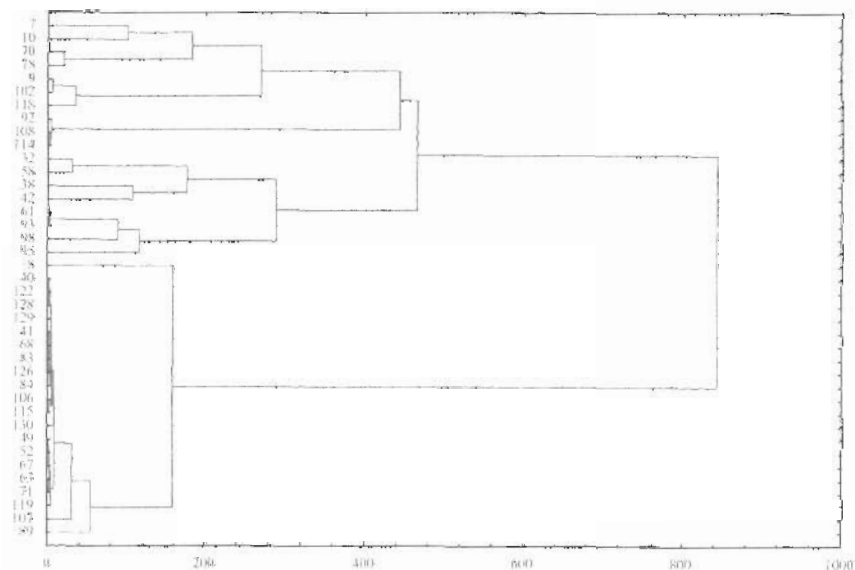

Рис. 5. Дендрограмма кластерного анализа женских погребений могильника Дерзтуйский Куптук.

док. Только в субкластерах 1А и 1В обнаружены предметы сбруи и монеты, только в субкластерах 1А и 2 — шилья, ритуальные сосудики, золотые украшения, кости крупного рогатого скота. Только в субкластерах 1В и 2 встречены следы лаковых изделий, серьги, серьги, кости лошади, а в погребениях субкластера 1А — пуговицы и следы шелка. Также только в могилах кластера 2 найдены стрелы и накладки на лук, браслеты и кости, в погребениях субкластера 1В — так называемый «кошелек», в сопроводительной тризне знаки и следы собирательства. Возможно, последнее свидетельствует о более низком статусе лиц, этой группы.

Вообще дифференциация по сопроводительному инвентарю между тремя субкластерами невелика. На основе рассмотрения совокупности трудозатрат, совершенных на создание погребальной конструкции и с учетом (ограбленного) сопроводительного инвентаря, можно сделать вывод о несколько более низком статусе лиц, похороненных в могилах кластера 1В. Группы 1А и 2 отличаются большим разнообразием инвентаря, наличием редких золотых украшений. При этом между ними также имеются определенные отличия. Для кластера 2 характерны очень редко встречающиеся в женских могилах предметы вооружения. Кластер 1А отличается гораздо большей встречаемостью украшений (ажурные бляхи, колокольчики, кольца, монеты, раковины, бусы, бисер), а также некоторых других категорий находок.

Для кластерного анализа детских захоронений была составлена матрица 20x20 погребений (Рис. 6). В результате анализа погребения разделились на два кластера. В кластер 1 вошли 8 погребений (№№ 24, 29, 39А, 44А, 59, 94, 127). В кластер 2 выделились 12 погребений (44Б, 44В, 51, 53, 54, 66, 69, 74, 80, 87, 88, 109).

Между кластерами есть определенные конструктивные отличия. При изготовлении надмогильных сооружений кластера 1 использовалась как земля, так и камни, в ряде захоронений зафиксированы каменное перекрытие и каменная обкладка гроба. Захоронения кластера 1 совершены в основном в гробу. Захоронения кластера 2 совершались не только в гробу, но и в каменном ящике, одно погребение совершено в яме. Ориентация погребенных кластера 1 либо на N, либо на NNO. В могилах кластера 2 встречены некоторые отклонения от данных направлений.

Сопроводительный инвентарь в детских погребениях распределялся следующим образом. Количество категорий находок, которые встречаются в обоих кластерах, в целом, невелико. Это ножи, бусы, пояс, «другие предметы», керамика, бусы, подвески, а также кости

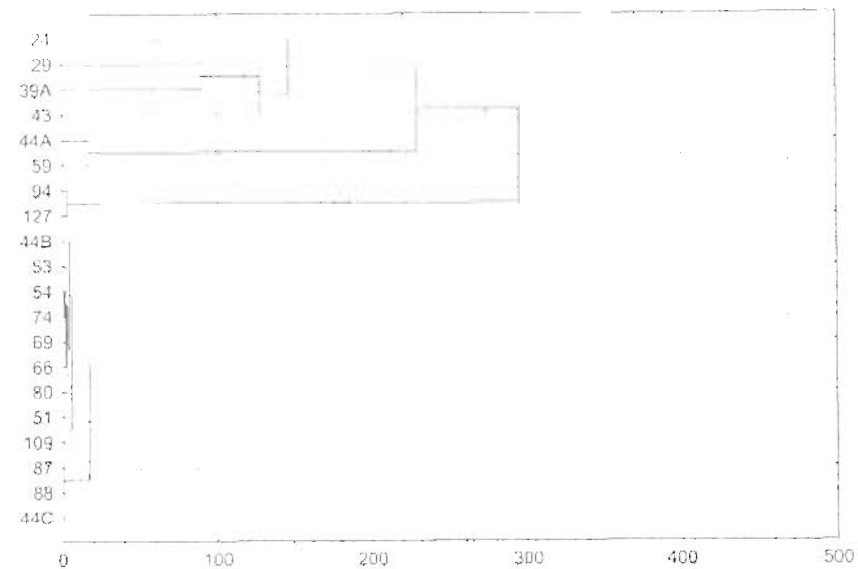

Рис. 6. Дендрограмма кластерного анализа детских погребений могильника Дыреустуйский Култук.

домашних животных - мелкого рогатого скота. При этом встречаемость бус, костей барана и козы в кластере 1 намного чаще, чем в кластере 2, а пояс, наоборот, чаще встречался в кластере 2. Кроме этого, только в захоронениях кластера 1 встречены бисер, шелк, лук, раковины, остатки лаковых изделий, ритуальная посуда, сбруя, монеты, кости лошади. Только в кластере 2 попадались пуговицы, кольца и металлические стрелы.

Руководствуясь тем, что металлические стрелы встречаются, как правило, в мужских захоронениях, а также то, что пояс более характерен для кластера 2, а разнообразные украшения характерны для кластера 1, можно, например, было бы предположить, что погребения кластера 1 принадлежат девочкам, тогда как погребения кластера 2 – мальчикам. Однако подобное утверждение требует дополнительной аргументации.

По всей видимости, также следует признать справедливость замечания С.А.Васютина (1999) о том, что неправильно связывать большинство захоронений детей Дыреустуйского могильника с жертвоприношениями. Во всяком случае распределение детских погребений по кластерам не дает никаких оснований, связывать какую-либо из групп и подгрупп с принесением в жертву.

Погребения могильника Дыреустуйский Култук

Дыреустуйский Култук	М	1B	разнообразный инвентарь
		1A	более разнообразный инвентарь
	2	более разнообразный инвентарь с украшениями	
	Ж	1B	разнообразный инвентарь, тризна
2		разнообразный инвентарь, тризна+КРС, оружие	
	1A	еще более разнообразные украшения, тризна+КРС	
	дети	1	инвентарь (девочки ?)
2		инвентарь (мальчики ?)	

В целом, анализируя мужские, женские и детские захоронения Дыреустуйского могильника, можно выделить несколько уровней социальной дифференциации. В мужских захоронениях вычлняются три группы, столько же групп можно выделить среди совокупности женских могил. Между детскими погребениями дифференциации выявлено не было. Возможно, отличия в погребальном инвентаре обусловлены разделением по полу.

ЧЕРЕМУХОВАЯ ПАДЬ

Памятник находится в Кяхтинском районе Республики Бурятия примерно в 25 км от г. Кяхта неподалеку от трассы Улан-Удэ - Кяхта в пади, упирающейся в склон горы Хухундэр. Могильник был открыт в 1950 г. А.П.Окладниковым, В.Д.Запорожской и Р.Ф.Тугутовым. Площадь памятника 60 тыс. м². Здесь зафиксировано 82 (по другим данным 84) могильные кладки (Мамонова, Тугутов 1959:74; Коновалов 1976:21). В 1957 г. директор Кяхтинского краеведческого музея раскопал здесь два погребения. В 1965-1966 гг. П.Б.Коновалов продолжил исследования могильника и изучил еще 18 погребальных комплексов (Мамонова, Тугутов 1959; Коновалов 1976:80-134). Таким образом, на настоящий момент на памятнике изучено около 20 % от общего количества погребений.

Могильник был исследован по уже апробированной методике. Сначала были составлены выборки известных мужских, женских и детских одиночных погребений:

мужские: №№ 1, 14, 49, 61 (всего 4 погребения);

женские: №№ 13, 15, 37, 39, 40, 48, 59, 62 (всего 8 погребений, включая парное женское захоронение № 62, которое впоследствии не было включено нами в кластерный анализ одиночных женских захоронений могильника);

детские: № 50 (всего 1 погребение).

Всего в выборку было включено 13 из 20 погребений.

По категориям признаков погребального обряда «Надмогильные сооружения» и «Погребальное сооружение» женские и мужские погребения сильно не различались. По этой причине для выявления отличий в погребальном обряде мужских и женских захоронений был осуществлен факторный анализ признаков сопроводительного инвентаря. Для этих целей были составлены две матрицы коэффициентов корреляции.

Для мужских погребений была составлена квадратная матрица коэффициентов корреляции между каждой парой признаков 14x14 переменных. В нее были включены следующие признаки:

1. нож	4. другие предметы труда и быта
2. огниво	5. стрелы металлические
3. палочки для еды	6. лук

7. кинжал
8. керамика
9. золотые бляхи
10. колокольчики

11. сбруя
12. подвески
13. игральные кости
14. кости козы

После анализа матрицы методом главных компонент была получена факторная матрица из 14 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -14,878). Был выделен один фактор (собственное значение = 12,6599, доля объяснимой дисперсии 90,4%). В результате незагруженным оказался только признак 1 (нож) (Табл. 12).

Для проверки полученных факторов был произведен факторный анализ всех признаков мужских захоронений. Была составлена новая факторная матрица, в которой был учтен 31 показатель (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -34,2166). После процедуры вращения методом варимакс было выделено два фактора. Собственное значение первого фактора 25,2166 (доля объяснимой дисперсии 83,1%), второго фактора - 1,79089 (доля объяснимой дисперсии 11,03%). Первый фактор, как и в предыдущем случае, оказался загруженным признаками 2-13.

Признаки женских погребений были объединены в квадратную матрицу коэффициентов корреляции 19x19 признаков. В нее были включены признаки, которые встречались в антропологически определенных женских могилах:

1. нож
2. огниво
3. шилья
4. палочки для еды
5. ложки
6. пуговицы
7. другие предметы труда и быта
8. меч
9. керамика

Таблица 12

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря мужских погребений могильника Черемуховая падь после применения метода главных компонент

4 погребения	Factor 1
Нож	0,496225
огниво	0,977187
палочки	0,977187
другие предметы	0,977187
стрелы металлические	0,977187
Лук	0,977187
кинжал	0,977187
керамика	0,977187
бляхи золотые	0,977187
колокол	0,977187
сбруя	0,977187
подвески	0,977187
кости	0,977187
Коза	0,977187
Expt.Var	12,65988
Prp.Totl	0,904276

10. посуда лаковая	16. кости барана
11. ажурные бляхи	17. кости коровы
12. бусы	18. неопределенные кости животных
13. подвески	19. злаки
14. зеркала	
15. золотые украшения	

В результате использования метода главных компонент была получена факторная матрица, в которой было проанализировано 19 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -18,627).

Таблица 13
Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря женских погребений могильника Черемуховая падь после применения метода главных компонент

В погребений	Factor 1	Factor 2
Нож	0,193792	0,960633
Огниво	0,955358	0,201332
Шпилья	0,955358	0,201332
Палочки	0,955358	0,201332
Ложки	0,955358	0,201332
Пуговицы	0,955358	0,201332
другие предметы	0,955358	0,201332
Меч	0,955358	0,201332
Керамика	0,484847	0,253884
посуда лаковая	0,955358	0,201332
Бусы	0,955358	0,201332
Подвески	0,955358	0,201332
Зеркала	0,955358	0,201332
Золото	0,955358	0,201332
Баран	0,955358	0,201332
Корова	0,181272	0,962204
Коза	0,5988	0,08282
неопред. Кости	0,955358	0,201332
Злаки	0,955358	0,201332
Expl.Var	14,3547	2,527986
Prp.Totl	0,75551	0,133052

После вращения факторной матрицы методом варимакс было выделено два фактора (Табл. 13). Собственное значение первого – 15,2717 (доля объяснимой дисперсии 80,4%). Собственное значение второго – 1,61101 (доля объяснимой дисперсии 8,5%). В первом факторе незагруженными оказались только признаки 1 (нож), 8 (керамика), 16 (кости коровы), 17 (кости козы). Второй фактор оказался загружен признаками 1 (нож) и 16 (кости коровы).

Интерпретация результатов факторного анализа показывает традиционную картину ролевого разделения полов в архаическом обществе. Большинство признаков, связанных с военной деятельностью, характерны для мужских погребений, украшения – для захоронений женщин. Единственное исключение – меч, обнаруженный в перекрытии женского погребения № 39.

Основываясь на данных вы- водах, мы попытались интерпре-

тировать возраст и пол захороненных в остальных погребениях могильника Черемуховая падь. Дополнительно в группу мужских погребений были включены погребения №№ 7, 51, 58 и 60. К числу женских захоронений было причислено погребение № 38. Поскольку по погребению № 2, раскопанному Р.Ф.Тугутовым и Н.Н.Мамоновой, у нас отсутствовали данные, мы не включили его в основную выборку. Из генеральной совокупности также были исключены парные погребения №№ 12 и 62.

Таким образом, общее число мужских погребений составило 8 захоронений, женских – также 8. Детские погребения (1) из-за незначительного количества нами не анализировались.

Для исследования выборки мужских погребений методом кластерного анализа предварительно была составлена матрица 8x8 захоронений. Погребения разбились на два равных кластера (Рис. 7). В кластер 1 вошли погребения №№ 1, 7, 14 и 49. В кластер 2 выделились погребения 51, 58, 60 и 61.

По конструктивным особенностям надмогильных сооружений оба кластера примерно сопоставимы. Они представлены надмогильными кладками прямоугольной (кластер 1) и овальной (оба кла-

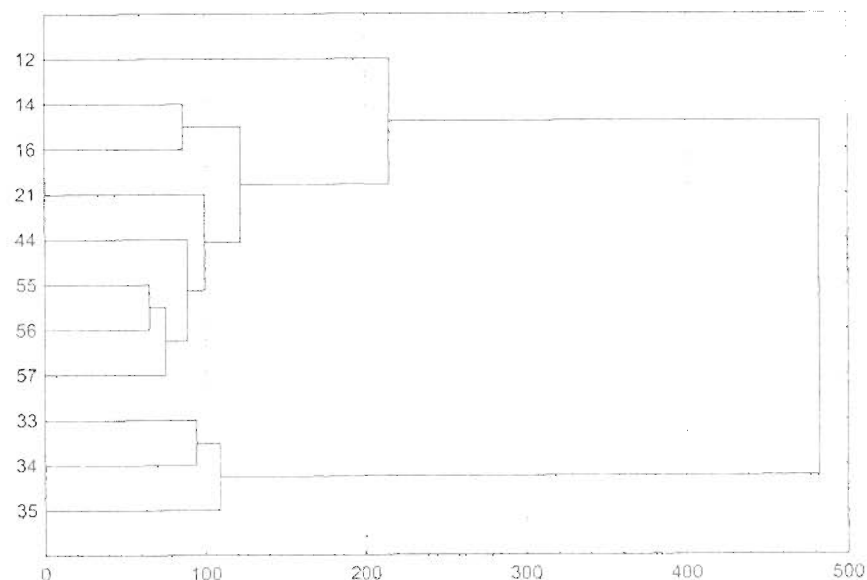

Рис. 7. Дендрограмма кластерного анализа погребений могильника Черемуховая падь.

стера) формы. В то же время размер надмогильных сооружения и могильных ям кластера 2 несколько больше. Большинство захоронений обоих кластеров совершались в гробе и срубе. Из находок в кластере 1 обнаружены ножи, огниво, прочие предметы быта, металлические наконечники стрел и обкладки лука, кинжал, панцирь, керамика, лаковая посуда, пояс с золотыми украшениями, колокольчики, сбруя, подвески, игральные кости. В захоронениях кластера 2 найдены ножи, огниво, палочки для еды, ложечки, другие предметы быта, металлические наконечники стрел и лук, лаковые сосуды, сбруя, серьги, кольца, обильные жертвоприношения крупного рогатого скота и козы.

Большинство признаков характерны для обоих кластеров, что свидетельствует о примерно их одноранговом статусе. Однако для кластера 1 характерны ряд признаков, связанных с оружием (кинжал, панцирь). Для кластера 2 характерны несколько признаков, связанных с пищей (палочки для еды, ложки, обильная тризна). Заманчиво было бы видеть в данных отличиях функциональные обязанности погребенных. Интересно, что планиграфически погребения данных кластеров (за исключением погребения № 49) также расположены неподалеку друг

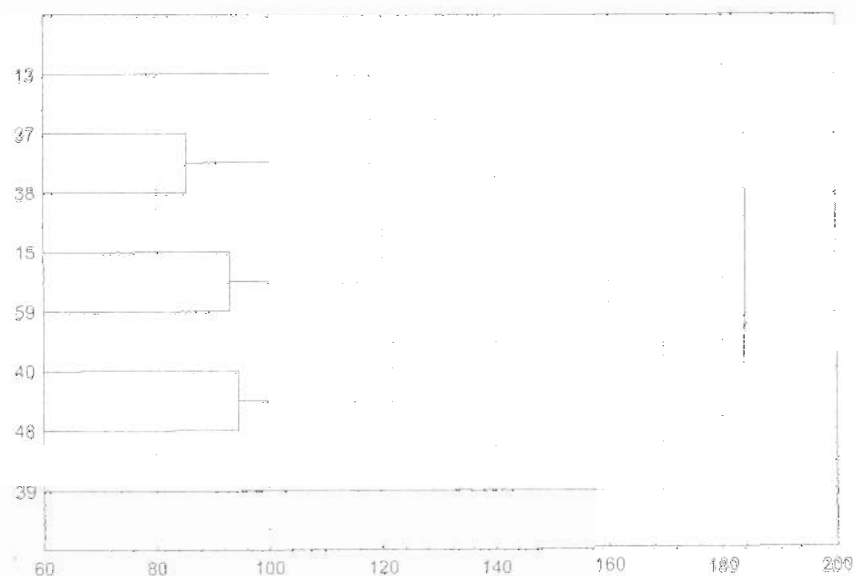

Рис. 8. Дендрограмма кластерного анализа женских погребений могильника Черемуховая падь.

от друга (см. Коновалов 1976: 81 рис.50). Обозначим их условно (!) как группу «военных» и «гражданских» лиц.

Женские погребения также были включены в кластерную матрицу 8x8 погребений. Они разделились на два резко отличающихся между собой кластера (Рис. 8). Кластер 1 составили 3 захоронения (№№ 13, 37, 38). В кластер 2 вошли 5 погребений (№№ 15, 39, 40, 48, 59).

По размерам и особенностям погребальных сооружений кластеры примерно сопоставимы. Это каменные кладки прямоугольной (в обоих случаях) и овальной (кластер 2) формы. Большая часть захоронений совершены в гробе и срубе. Однако по разнообразию сопроводительного инвентаря кластеры резко различаются. В кластере 1 встречены шилье, керамика, прочие предметы быта, керамика, лаковый сосуд и зеркало. В кластере 2 были найдены ножи, огниво, палочки для еды, ложки, прочие предметы быта, меч (в перекрытии погребения № 39), керамика, лаковые сосуды, бусы, подвески, зеркало, золотые украшения, обильная заупокойная пища (мелкий и крупные рогатый скот, кости неопределенных животных, злаки).

Таким образом, захоронения кластера 2 несколько богаче. Для них характерно большее количество сопроводительного инвентаря, чем в кластере 1, а также разнообразные украшения и многочисленные кости животных. Это дает основание предположить наличие в структуре населения, оставившего данный могильник, двух социальных групп женщин. Первая группа оказалась, в целом, беднее второй. Интересно, что в мужских погребениях схожей дифференциации прослежено не было.

ИЛЬМОВАЯ ПАДЬ

Памятник находится в Кяхтинском районе Республики Бурятия и расположен в 23 км к северу от г. Кяхта неподалеку от трассы Улан-Удэ – Кяхта в том же районе, что и могильник Черемуховая падь, а также могильники Средние Суджи и Убур Суджи. Это наиболее крупный хуннский могильник на территории Бурятии. Падь покрыта сосновым бором. Общая площадь могильника около 2 км². Общее количество могильных сооружений на памятнике около 320. Могильник был открыт в 1896 г. Ю.Д.Талько-Грынцевичем. Он же раскопал здесь одну большую (так называемую «царскую») и 32 малые могилы. В 1928-1929 гг. на памятнике исследования вел Г.П.Сосновский, который раскопал одну большую и 10 малых могил. В 1967-1975 гг. памятник изучался П.Б.Коноваловым. Он раскопал одну «царскую» и 15 малых могил (Талько-Грынцевич 1899; Сосновский 1946; Коновалов 1976). В 1994-1996 гг. С.В.Даниловым начаты раскопки еще одного захоронения «царского» типа. Всего, таким образом, на настоящий момент на памятнике исследовано 60 погребений, что составляет около 20% от общего числа визуально прослеживаемых захоронений.

Статистическое изучение погребений проводилось по уже многократно описанной выше схеме. Первоначально из числа антропологически определенных захоронений были составлены совокупности мужских, женских и детских одиночных погребений:

мужские: №№ 1, 2, 3, 8, 9, 10, 13, 17, 22, 26, 27, 30, 34, 44, 47 (всего 15 погребений);

женские: 5, 7, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 21, 25, 31, 32, 33, 41, 43 (всего 15 погребений);

детские: 6, 36, 54А, 54Б, 57 (всего 5 погребений).

Всего, таким образом, в выборку было включено 35 погребений – более половины от всего имеющегося в нашем распоряжении массива данных.

Изучение отличий в конструкции погребальных сооружений между данными совокупностями показало, что площадь надмогильных сооружений женских захоронений несколько выше площади детских погребений, а в свою очередь площадь надмогильной кладки мужских захоронений, намного выше, чем женских. Длина и ширина всех совокупностей погребений различалась не очень сильно (если не учитывать раз-

меры могил «элитных» курганов), однако глубина детских могил была несколько меньше, чем глубина захоронений взрослых. Ориентация костяков в мужских захоронениях отличалась несколько большим разнообразием. Помимо традиционных вариантов расположения захороненных головой на N, NNO и других отклонений от северной ориентировки, встречалось противоположное расположение погребенных на SSW. Также только в мужских погребениях было зафиксировано погребение сидя. В целом, визуальные отличия в конструктивных особенностях погребений могильника резко не выражены.

Дополнительные сведения о половозрастных отличиях погребального обряда были выявлены посредством факторного анализа признаков сопроводительного инвентаря. Для этого первоначально были составлены матрицы коэффициентов корреляции признаков групп мужских, женских и детских погребений.

Матрица коэффициентов корреляции мужских погребений оказалась самой большой (26x26 переменных). В нее вошли те признаки сопроводительного инвентаря, которые встречались в мужских захоронениях могильника:

1. шилья	14. посуда ритуальная
2. палочки для еды	15. пояс
3. ложки	16. сбруя
4. меха	17. бусы
5. пуговицы	18. подвески
6. другие предметы труда и быта	19. зеркала
7. стрелы металлические	20. золото
8. стрелы костяные	21. игральные кости
9. лук	22. кости барана
10. поножи	23. кости коровы
11. панцирь	24. кости козы
12. керамика	25. кости собаки
13. посуда лаковая	26. кости диких животных

Анализ осуществлялся методом главных компонент. Была получена факторная матрица из 26 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -27,109). После вращения матрицы методом варимакс было выделено два фактора (Табл. 14). Собственное значение первого фактора 21,8603 (доля объяснимой дисперсии 84%). Фактор оказался загруженным практически всеми признаками (кроме признаков 12, 14, 22, 23). Собственное значение второго фактора 1,43776 (доля объяснимой дисперсии 5,5%). Он оказался

Для исследования социальной структуры мужских захоронений была создана матрица 29x29 погребений. По степени сходства все захоронения разбились на два кластера (Рис. 9). В кластер 1 вошли 26 погребений из 29. Во кластер 2 вошли всего три погребения (№№ 10, 40 и 54). Все три данные погребения визуально относятся к так называемым «элитным» или «княжеским» курганам. Они отличаются от всех других захоронений как своими «внешними» характеристиками, так и размерами, и сложностью могильных камер, а также богатством и разнообразием категорий сопроводительного инвентаря, спецификой жертвенной пищи.

Кластер 1, в свою очередь подразделяется на два субкластера. Субкластер 1А состоит из 10 погребений (№№ 1, 3, 26, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52). Субкластер 1В состоит из 16 захоронений (№№ 2, 4, 8, 9, 13, 17, 22, 27, 30, 34, 35, 42, 48, 49, 53, 58).

Конструктивные особенности погребений субкластеров 1А и 1В примерно сопоставимы. Надмогильные сооружения – овальные (круглые) и прямоугольные каменные кладки. Преобладающий тип погребального сооружения – гроб в срубе. Однако оба субкластера, входящие в кластер 1, сильно отличаются от погребений кластера 2. Для захоронений кластера 2 характерны значительные размеры надмогильных сооружений, сложность конструкции (дромос, мощные каменные перегородки, шелковая обивка гроба, подстилка из хвойных веток и шишек), намного большие размеры могильной ямы.

В кластере 2 были обнаружены шилья, палочки для еды, ложки, остатки шелковых тканей, прочие находки быта, остатки лука, поножи, панцирь, керамика, пояс, в том числе с золотыми бляхами, сбруя, подвески, остатки золотых украшений, фигурки, жезл, кости барана, козы, лошади, диких животных (ряд костей оказались неопределенными).

Погребения кластера 1 беднее. В погребениях субкластера 1А обнаружены шилья, палочки для еды, прочие находки быта, металлические и костяные наконечники стрел, лук, поножи, керамика, лаковая и ритуальная посуда, сбруя, зеркала, игральные кости, кости заупокойной пищи (мелкий и крупный рогатый домашний скот, лошадь, собака, дикие животные). В единственном случае фиксируется нож, ложка, пуговицы, панцирь, подвески, золотые украшения.

В захоронениях субкластера 1В встречены палочки для еды, ложки, остатки меховой одежды, прочие находки быта, металлические и костяные наконечники стрел, лук, керамика, лаковая и ритуальная посуда, пояс, сбруя, бусы, подвески, кости заупокойной трапезы для погребенных (мелкий и крупный рогатый домашний скот, лошадь, собака,

дикие животные, злаки). В единственном экземпляре найдены нож, шилье, пуговицы, меч, ажурная поясная бляха, кольцо.

Анализируя распределение мужских погребений, можно сделать несколько предварительных выводов:

1) Из общего массива мужских захоронений резко выделяются три «элитных» кургана (№№ 10, 40, 54). Кроме данных курганов на территории могильника имеются еще несколько подобных монументальных сооружений. Исследование одного из них (курган № 55) проводилось в середине 1990-х гг. С.В. Даниловым.

2) Имеются некоторые отличия между субкластерами 1А и 1В. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько богаче захоронений субкластера 1В (в первом субкластере присутствуют зеркала, игральные кости, панцирь, подвески, золотые украшения; во втором – остатки меховой одежды, ажурная поясная бляха, кольцо).

3) Это дает возможность говорить о выделении двух-трех социальных рангов в мужских погребениях Ильмовой пади. Причем дистанция между кластером 2 и субкластерами кластера 1 больше, чем дистанция между субкластерами 1А и 1В.

4) В сравнении с другими могильниками хуннской культуры все группы мужских захоронений Ильмовой пади относятся к числу достаточно «богатых» погребений.

Для исследования женских захоронений могильника была составлена матрица размером 16x16 объектов. После кластерного анализа все погребения были разбиты на 2 неравных кластера (Рис. 10). В кластер 1 вошли 13 погребений, которые разбивались еще на два субкластера 1А (5, 7, 16, 19, 21, 25, 31, 33, 43 - всего 9 погребений) и 1В (14, 15, 18, 39 - всего 4 захоронения). В кластер 2 вошли всего 3 погребения (№№ 12, 32 и 41.)

Конструктивные особенности надмогильных сооружений субкластеров 1А, 1В и кластера 2 примерно сопоставимы. Это прямоугольные (субкластеры 1А и 1В) или овальные-круглые (субкластер 1А, кластер 2) каменные кладки. Правда, только для некоторых погребений субкластера 1А характерны такие важные черты как наличие гроба в срубе, шелковая драпировка (в том числе с золотыми украшениями), наличие подстилки под гробом из хвойных веток и шишек.

Погребальные сооружения представлены гробами и реже гробовищами (субкластер 1В) в яме, гробами в срубе и гробами в яме (субкластер 1А, кластер 2). По сопроводительному инвентарю субкластер 1А значительно отличается от субкластера 1В и кластера 2. В субкластере 1А встречаются палочки для еды, остатки меховой одежды, про-

Таблица 14

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря мужских погребений могильника Ильмовая падь после применения метода главных компонент и вращения факторов методом варимакс

Мужчины 15 погребений	Factor 1	Factor 2
Шилья	0,959878	0,178825
Палочки	0,959878	0,178825
Ложки	0,959878	0,178825
Меха	0,959878	0,178825
Пуговицы	0,959878	0,178825
Другие	0,959878	0,178825
стрелы металлические	0,959878	0,178825
стрелы костяные	0,959878	0,178825
Лук	0,959878	0,178825
Поножи	0,959878	0,178825
Ланцирь	0,959878	0,178825
керамика	0,352549	0,78529
посуда лаковая	0,959878	0,178825
посуда ритуальная	0,257643	0,746943
Пояс	0,959878	0,178825
Сбруя	0,959878	0,178825
Бусы	0,959878	0,178825
подвески	0,959878	0,178825
Зеркала	0,959878	0,178825
Золото	0,959878	0,178825
Кости	0,959878	0,178825
Баран	0,565468	-0,45685
Корова	0,584261	-0,29897
Коза	0,959878	0,178825
Собака	0,959878	0,178825
кости диких животных	0,959878	0,178825
Expl. var	21,12184	2,176224
prp. totl	0,812378	0,083701

знаков (кроме 11-13). Значимость второго фактора невелика (собственное значение 1,13077, доля объяснимой дисперсии 8,1%). Фактор отражает связь женских погребений с заупокойной пищей (признаки 12-13).

загружен только признаками 12 и 14.

Для женских захоронений была сконструирована корреляционная матрица из 14x14 признаков.

1. палочки для еды
2. меха
3. другие предметы труда и быта
4. стрелы костяные
5. лук
6. керамика
7. посуда лаковая
8. пояс
9. сбруя
10. игральные кости
11. кости барана
12. кости коровы
13. кости козы
14. кости диких животных

Был применен метод главных компонент. Полученная в результате факторная матрица из 14 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -12,894) была подвергнута процедуре вращения методом варимакс. В результате оказались выделены два фактора (Табл. 15). Первый фактор (собственное значение первого фактора 11,44990, доля объяснимой дисперсии 81,8%) оказался связан с большинством при-

Таблица 15

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря женских погребений могильника Ильмовая падь после применения метода главных компонент и вращения факторов методом варимакс

Женщины 15 погребений	factor 1	factor 2
палочки	0,924831	0,314498
меха	0,924831	0,314498
другие	0,924831	0,314498
стрелы костяные	0,924831	0,314498
лук	0,924831	0,314498
керамика	0,924831	0,314498
посуда лаковая/лак	0,924831	0,314498
пояс	0,924831	0,314498
сбруя	0,924831	0,314498
кости	0,924831	0,314498
баран	0,571262	0,051023
корова	0,27395	0,891881
коза	0,260492	0,903828
кости диких животных	0,924831	0,314498
expl. var	9,877708	2,702956
prp. totl	0,705551	0,193068

Набор сопроводительного инвентаря детских погребений был проанализирован аналогичным способом. Сначала были выделены признаки, встречавшиеся в детских захоронениях могильника:

1. нож
2. меха
3. другие предметы труда и быта
4. керамика
5. посуда ритуальная
6. пояс
7. золото
8. игральные кости
9. кости диких животных

Далее была составлена квадратная корреляционная матрица размером 9x9 признаков, которая была подвергнута факторному анализу. Как и во всех предыдущих случаях был использован метод главных компонент. Факторная матрица, полученная в результате анализа, включала 9 переменных (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -8,4867). В результате был выделен только один фактор (Табл. 16). Его собственное значение оказалось равным 7,92564 (доля объяснимой дисперсии 88,1%). Фактор оказался загруженным всеми признаками, кроме признака 4 (керамика).

Учитывая невысокое значение выделенного фактора, с целью верификации полученных выводов был просчитан еще один вариант с учетом большего числа признаков, который включал не только признаки сопроводительного инвентаря, но и показатели конструктивных особенностей надмогильных и могильных сооружений, размеров погребальных сооружений, ориентации погребенных. Новая факторная матрица состояла из 27x27 переменных. После процедуры вращения методом варимакс было выделено три фактора (десятичная логарифмическая детерминанта корреляционной матрицы -28,455). Собственное

Таблица 16

Факторные нагрузки признаков сопроводительного инвентаря детских погребений могильника Ильмовая падь после применения метода главных компонент

Дети 5 погребений	factor 1
Нож	0,977238
Меха	0,977238
Другие	0,977238
Керамика	0,534497
посуда ритуальная	0,977238
пояс	0,977238
золото	0,977238
кости	0,977238
Кости диких животных	0,977238
expl.var	7,925643
prp.totl	0,880627

значение первого фактора 20,7459 (доля объяснимой дисперсии 76,8%), второго 3,03112 (доля объяснимой дисперсии 11,2%), третьего 1,73007 (доля объяснимой дисперсии 6,4%). Первый фактор, как и в предыдущей процедуре, оказался загруженным всеми признаками кроме керамики. Очевидно, что это отражает и без того очевидное эмпирическое обобщение - данная категория сопроводительного инвентаря является наиболее массовой и характерна практически для всех социальных групп исследуемого общества.

Сопоставим теперь полученные результаты исследования факторного анализа мужских, женских и детских совокупностей погребений. Некоторые признаки оказались характерными для всех трех половозрастных совокупностей (остатки меховой одежды, игральные кости, кости диких животных). Ряд признаков оказался распространенным как для женских, так и для мужских захоронений (палочки для еды, костяные наконечники стрел, лук, лаковая посуда, пояс, сбруя). Наличие золота оказалось типичным и для мужских, и для детских захоронений. Характерным только для детских погребений оказались такие признаки как нож и ритуальные сосуды. Только для женских погребений оказалась важной роль такого показателя как наличие в могиле керамики. Большинство прочих факторов наиболее часто фиксировались для мужских захоронений (шилья, ложечки, пуговицы, металлические стрелы, поножи, панцирь, бусы, подвески, зеркала, наличие костей козы и собаки).

В целом, перечисленный набор признаков не дает четких критериев разграничивающих мужские, женские и детские погребения. Подавляющее большинство признаков сопроводительного инвентаря характерно для мужских захоронений. Это обстоятельство затрудняет выделение женских и детских могил.

Тем не менее попытаемся интерпретировать возраст и пол захороненных в остальных погребениях могильника Ильмовая падь. Нами было проанализировано 20 захоронений, не включенных в основную выборку. Дополнительно в группу мужских погребений были включены

погребения №№ 4, 35, 40, 42, 45, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 58. К числу женских захоронений было причислено погребение № 39, а в совокупность детских погребений были включены две могилы №№ 55А и 56. Неопределенными остались погребения №№ 11, 23, 37. Кроме этого, не анализировались пять парных погребений №№ 20, 24, 28, 29, 38.

Таким образом, общая совокупность мужских погребений составила 29 захоронений, женских - 16 погребений и детских - 7 погребений. Налицо резкое преобладание мужских погребений над женскими (в первоначальной выборке было по 15 мужских и женских захоронений).

Возможно, причина этого в определенной погрешности метода. В то же время нельзя исключать того, что одинаковая численность мужских и женских погребений в первом случае могла быть обусловлена другими факторами, например концентрацией однополых захоронений могильника (Ю.Д.Талько-Грынцевич раскопал, например, группы из рядом расположенных погребений 5 и 7, а также 16, 18 и 19, которые оказались женскими [1899 табл. II]).

Следующим этапом исследования явилась процедура кластерного анализа каждой из выделенных половозрастных совокупностей.

Следующим этапом исследования явилась процедура кластерного анализа каждой из выделенных половозрастных совокупностей.

Следующим этапом исследования явилась процедура кластерного анализа каждой из выделенных половозрастных совокупностей.

Следующим этапом исследования явилась процедура кластерного анализа каждой из выделенных половозрастных совокупностей.

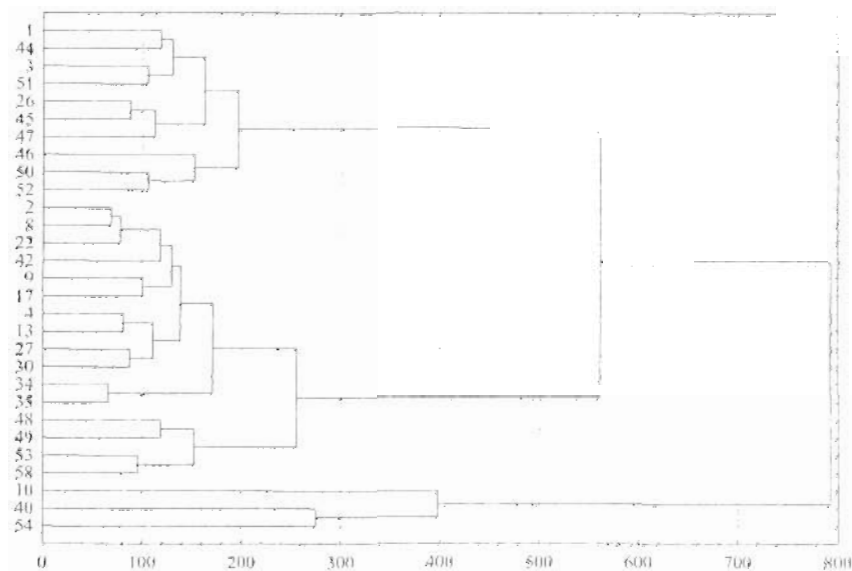

Рис. 9. Дендрограмма кластерного анализа мужских погребений могильника Ильмовая падь.

Для исследования социальной структуры мужских захоронений была создана матрица 29x29 погребений. По степени сходства все захоронения разбились на два кластера (Рис. 9). В кластер 1 вошли 26 погребений из 29. Во кластер 2 вошли всего три погребения (№№ 10, 40 и 54). Все три данные погребения визуально относятся к так называемым «элитным» или «княжеским» курганам. Они отличаются от всех других захоронений как своими «внешними» характеристиками, так и размерами, и сложностью могильных камер, а также богатством и разнообразием категорий сопроводительного инвентаря, спецификой жервленной пищи.

Кластер 1, в свою очередь подразделяется на два субкластера. Субкластер 1А состоит из 10 погребений (№№ 1, 3, 26, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52). Субкластер 1В состоит из 16 захоронений (№№ 2, 4, 8, 9, 13, 17, 22, 27, 30, 34, 35, 42, 48, 49, 53, 58).

Конструктивные особенности погребений субкластеров 1А и 1В примерно сопоставимы. Надмогильные сооружения – овалы (круглые) и прямоугольные каменные кладки. Преобладающий тип погребального сооружения – гроб в срубе. Однако оба субкластера, входящие в кластер 1, сильно отличаются от погребений кластера 2. Для захоронений кластера 2 характерны значительные размеры надмогильных сооружений, сложность конструкции (дромос, мощные каменные перегородки, шелковая обивка гроба, подстилка из хвойных веток и шишек), намного большие размеры могильной ямы.

В кластере 2 были обнаружены шилья, палочки для еды, ложки, остатки шелковых тканей, прочие находки быта, остатки лука, поножи, панцирь, керамика, пояс, в том числе с золотыми бляхами, сбруя, подвески, остатки золотых украшений, фигурки, жезл, кости барана, козы, лошади, диких животных (ряд костей оказались неопределенными).

Погребения кластера 1 беднее. В погребениях субкластера 1А обнаружены шилья, палочки для еды, прочие находки быта, металлические и костяные наконечники стрел, лук, поножи, керамика, лаковая и ритуальная посуда, сбруя, зеркала, игральные кости, кости заупокойной пищи (мелкий и крупный рогатый домашний скот, лошадь, собака, дикие животные). В единственном случае фиксируется нож, ложка, пуговицы, панцирь, подвески, золотые украшения.

В захоронениях субкластера 1В встречены палочки для еды, ложки, остатки меховой одежды, прочие находки быта, металлические и костяные наконечники стрел, лук, керамика, лаковая и ритуальная посуда, пояс, сбруя, бусы, подвески, кости заупокойной трапезы для погребенных (мелкий и крупный рогатый домашний скот, лошадь, собака,

дикие животные, злаки). В единственном экземпляре найдены нож, шилья, пуговицы, меч, ажурная поясная бляха, кольцо.

Анализируя распределение мужских погребений, можно сделать несколько предварительных выводов:

1) Из общего массива мужских захоронений резко выделяются три «элитных» кургана (№№ 10, 40, 54). Кроме данных курганов на территории могильника имеются еще несколько подобных монументальных сооружений. Исследование одного из них (курган № 55) проводилось в середине 1990-х гг. С.В. Даниловым.

2) Имеются некоторые отличия между субкластерами 1А и 1В. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько богаче захоронений субкластера 1В (в первом субкластере присутствуют зеркала, игральные кости, панцирь, подвески, золотые украшения; во втором – остатки меховой одежды, ажурная поясная бляха, кольцо).

3) Это дает возможность говорить о выделении двух-трех социальных рангов в мужских погребениях Ильмовой пади. Причем дистанция между кластером 2 и субкластерами кластера 1 больше, чем дистанция между субкластерами 1А и 1В.

4) В сравнении с другими могильниками хуннской культуры все группы мужских захоронений Ильмовой пади относятся к числу достаточно «богатых» погребений.

Для исследования женских захоронений могильника была составлена матрица размером 16x16 объектов. После кластерного анализа все погребения были разбиты на 2 неравных кластера (Рис. 10). В кластер 1 вошли 13 погребений, которые разбивались еще на два субкластера 1А (5, 7, 16, 19, 21, 25, 31, 33, 43 - всего 9 погребений) и 1В (14, 15, 18, 39 - всего 4 захоронения). В кластер 2 вошли всего 3 погребения (№№ 12, 32 и 41.)

Конструктивные особенности надмогильных сооружений субкластеров 1А, 1В и кластера 2 примерно сопоставимы. Это прямоугольные (субкластеры 1А и 1В) или овалы-круглые (субкластер 1А, кластер 2) каменные кладки. Правда, только для некоторых погребений субкластера 1А характерны такие важные черты как наличие гроба в срубе, шелковая драпировка (в том числе с золотыми украшениями), наличие подстилки под гробом из хвойных веток и шишек.

Погребальные сооружения представлены гробами и реже гробовищами (субкластер 1В) в яме, гробами в срубе и гробами в яме (субкластер 1А, кластер 2). По сопроводительному инвентарю субкластер 1А значительно отличается от субкластера 1В и кластера 2. В субкластере 1А встречаются палочки для еды, остатки меховой одежды, про-

чие предметы быта, костяной наконечник стрелы и остатки лука, керамика, лаковый сосуд, сбруя, игральные кости, заупокойная пища (кости крупного и мелкого рогатого домашнего скота, диких животных). Из всех захоронений субкластера 1А резко выделяется, возможно, самое богатое – погребение № 43. Погребения субкластера 1В практически безинвентарные. Только в погребении 18 была обнаружена керамика. Из сопроводительного инвентаря в кластере 2 были найдены лишь «прочие предметы» хозяйства быта, обкладки лука, в единичном экземпляре – керамика, остатки пояса, кости барана или овцы, кости какого-то дикого животного.

В целом, это дает основание сделать вывод о наличии в социальной структуре населения, хоронившего умерших на территории Ильмовой пади, трех групп женщин. Здесь выделяются: группа «богатых» (субкластер 1А, а особенно погребение № 43, которое в принципе можно выделить в самостоятельную «высший» ранг); группа более «бедных» лиц (кластер 2); группа женщин с самым низким статусом (субкластер 1В).

Детские погребения анализировались таким же способом. Кластерная матрица 7x7 объектов разбилась на два кластера (Рис. 11). Кла-

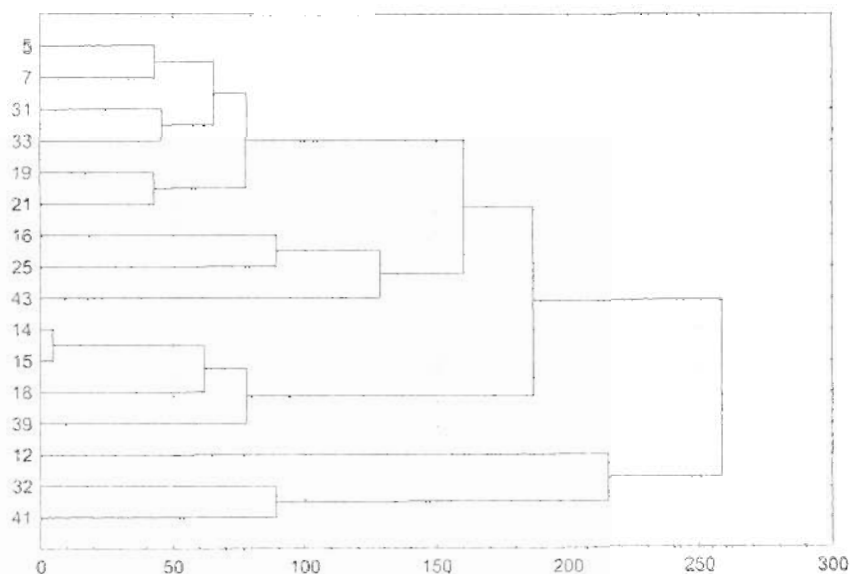

Рис. 10. Дендрограмма кластерного анализа женских погребений могильника Ильмовая падь.

стер 1 составили 6 погребений (№№ 6, 36, 54А, 54Б, 55А). Кластер 2 был представлен единственным захоронением № 57. К сожалению, интерпретировать данное распределение нам не удалось. Возможно, отчасти это можно оправдать незначительностью анализируемой выборки.

В то же время, есть определенные основания предположить, что некоторые детские погребения могильника, возможно, следует связывать с ритуальными человеческими жертвоприношениями аналогично материалам могильника Дырестуйский Култук, интерпретированным С.С.Миняевым (1988; 1989), так можно интерпретировать захоронения 54А и 54Б из Ильмовой пади (он же 1988: 102). В пользу этого говорят следующие обстоятельства:

1) захоронения располагаются в непосредственной близости от так называемого «княжеского» кургана № 54; 2) оба захоронения детские (об этом свидетельствуют антропологические определения (в первом случае юноша, во втором ребенок) и небольшие размеры гробов (140-160 см); 3) сопутствующий инвентарь обоих захоронений беден; 4) в могиле 54А отсутствовал череп погребенного (см.: Коновалов 1976:65); 5) захороненный в погребении 54Б был предварительно связан.

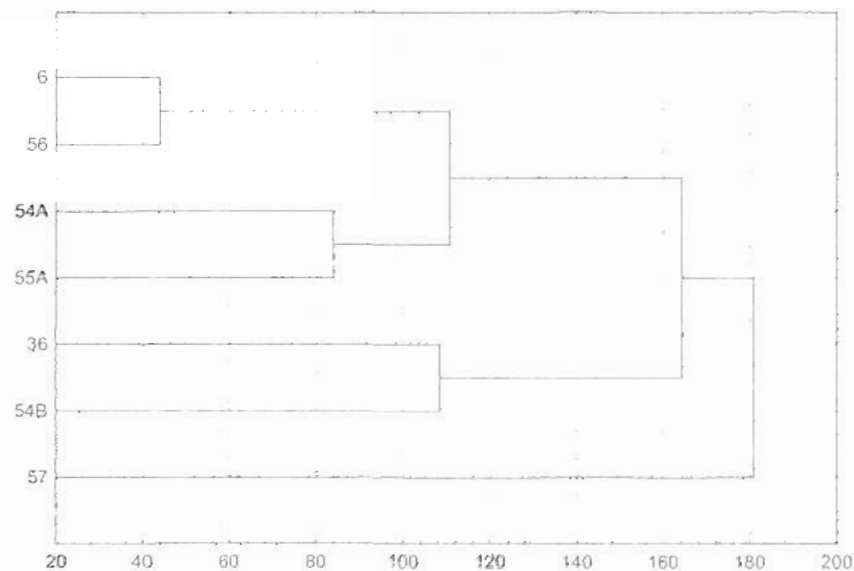

Рис. 11. Дендрограмма кластерного анализа детских погребений могильника Ильмовая падь.

На его поясе, выше таза, поверх костей, была обнаружена полоса (пояс ?) спекшегося железа, состоявшая из отдельных звеньев, которые трудно было расчленить. При внимательном рассмотрении удалось выяснить, что так называемый пояс состоял как бы из отдельных железных пластин. Под одной из них со следами заклепки были замечены остатки кожи, на правой боковой пряжке – прилипшая ткань грубого плетения. При окончательной разборке пояса выяснилось, что основу его составлял кожаный ремень, на котором и были прикреплены все эти пластинки и пряжки. Одним словом, перед совершением жертвоприношения, ребенка предварительно связали ремнем и чем-то подобным цепи. Аналогичная «цепь» находилась на его ногах. Такая же цепочка железных звеньев была обнаружена на щиколотках, причем она связывала обе ноги. На правой ноге в спекшемся комочке можно было различить небольшое кольцо (см.: Коновалов 1976:66). К сожалению, у нас нет данных относительно того, есть ли на костях погребенного следы насильственной смерти (черепные травмы, сломанные шейные позвонки и т.п.). Однако, ритуальное убийство могло быть совершено без повреждения каких-либо костей. Поэтому, учитывая интересные наблюдения С.С.Миняева (1988; 1989), можно допустить, что в данных случаях – с погребениями 54А и 54Б – мы можем иметь дело с фактами совершенного обряда «соумирания», о чем в источнике сказано: «любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу» (Лидай 1958:17; Бичурин 1950а:50; Материалы 1968:40).

В свете письменных данных о соумирании у хунну привлекает к себе внимание также проломленный женский череп в парном женском захоронении № 62 (Коновалов 1976:132), но, по устному заключению антрополога Н.Н.Мамоновой, там были захоронены кровнородственные молодые женщины вроде сестер.

Тем не менее, это не единственно возможная интерпретация данных погребений. Имеются факты, которые не позволяют однозначно связывать так называемые «цели» с низким статусом погребенных. Так, в могиле № 51 могильника Черемуховая падь на поясе погребенного были обнаружены несколько крупных железных колец, связанных между собой либо кожаным ремнем, либо тканью. В процессе раскопок не удалось выяснить, были ли связаны этим «ремнем» руки захороненного, однако ноги погребенного были скреплены неким подобием «цепи» - фрагменты связанных между собой кусочков железа (колец с кожаным ремнем) лежали на костях стопы обеих ног (Коновалов 1976:116-117, табл. IX, 12, 14). Интересно, что данное погребение никак нельзя отнести к бедным. На это указывают наличие гроба в срубе, в

качестве сопроводительного инвентаря в могилу были положены колчан со стрелами, лук, серьга, лаковая чашечка, удила, пища для заупокойного потребления. Теоретически связывание могло быть обусловлено и иными целями – например, стремлением лишить покойного подвижности в загробной жизни.

Таким образом, данная проблема требует дополнительной, более углубленной проработки.

Таблица 17

Погребения могильника Ильмовая Падь

могильник	Пол	кластер	сопроводительный инвентарь
Ильмовая Падь	М	1В	разнообразный инвентарь
		1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
		2	курганы элиты (№ 10, 40, 54)
	Ж	1В	бедный инвентарь
		2	разнообразный инвентарь
		1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
Дети		дифференциации не выявлено	

В целом, в мужских захоронениях могильника Ильмовая падь выделяются три группы. Две из них принадлежат лицам достаточно высокого статуса. Третья группа – элитарные курганы хуннской знати. Женские захоронения также подразделяются на три группы. Среди детских погребений дифференциацию выявить не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа письменных сочинений древнекитайских летописцев известно, что социальная структура хунну имела сложный, многоуровневый характер. Высший уровень общественной пирамиды занимал шаньюй и его родственники (клан Люаньди). Следующую ступень занимали представители других знатных кланов, племенные вожди, служилая знать. Далее располагалась самая массовая социальная группа общества - простые экономически независимые кочевники скотоводы. Внизу социальной лестницы находились различные неполноправные категории: обедневшие номады, полувассальное оседлое население (*цинъцы*), военнопленные данники, занимавшиеся земледелием и ремеслом, а также, возможно, рабы (Крадин 2002).

На территории Забайкалья в хуннскую эпоху проживало как кочевое, так и оседлое население. Общее количество кочевников, кочевавших на территории современной степной Бурятии, можно рассчитать на основе специальных методик, основанных на определении продуктивности пастбищных ресурсов (Железчиков 1984; Гаврилюк 1989; 1999; 2000; Тортика, Михеев, Кортиев, 1994; и др.). В общей сложности здесь могло проживать от 12 до 26 тыс. номадов. В военном отношении это от 2-3 до 5 «тысяч» лучников. Можно предположить, что в совокупности с земледельческим населением они представляли самостоятельное воинское подразделение с военачальником в ранге так называемого «слабого» *ваньци* (темника), имевшего в подчинении около 5-7 тыс. воинов (Крадин 1999).

Изучение погребальных памятников хунну Забайкалья подтверждает тезис о многоуровневой социальной иерархии в империи Хунну, прослеживаемой в различных половозрастных и этнокультурных группах общества.

Мужские погребения разбиваются на несколько резко отличающихся между собой рангов. Могильники выстраиваются в иерархическую лестницу. Самый верхний «этаж» занимают три кургана (№№ 10, 40, 54) кластера 2 комплекса Ильмовая падь, который относится к так называемым «элитным» или «царским» курганам. Далее расположены захоронения субкластеров (1А и 1В) Ильмовой пади. Между ними имеются некоторые отличия. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько богаче.

За ними по близости погребального обряда и количеству сопроводительного инвентаря следуют погребения Черемуховой пади и Дырестуйского Култука. По всей видимости мы должны говорить о полном равном населении хуннского общества. В последнем могильнике выделяется три группы примерно одного общественного ранга.

В Иволгинском грунтовом могильнике выделено четыре общественных ранга. Самый низший – безинвентарные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) дополнительно наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй наличием сбруи.

Таблица 18

Мужские погребения хунну Забайкалья

могильник	кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1	безинвентарные погребения
	2АА	погребения с инвентарем
	2АВ	инвентарь + пояс
	2В	инвентарь + пояс + сбруя
Дырестуйский Кулдук	1В	разнообразный инвентарь
	1А	более разнообразный инвентарь
Черемуховая Падь	1	дифференциации не выявлено
	2	
Ильмовая Падь	1В	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
	2	Курганы элиты (№ 10, 40, 54)

Велик соблазн попытаться привязать эти прослойки к конкретным социальным группам, известным по летописным источникам. Однако это было бы слишком преждевременно. Всегда необходимо помнить то, что археология имеет дело лишь с фрагментарными остатками некогда существовавшей культуры, как и то, что в нашем распоряжении имеется только лишь небольшая выборка фактических данных, и с каждым новым полевым сезоном наши знания о прошлом могут существенно корректироваться. По всей видимости, только при значительном расширении источниковой базы можно будет более определенно связать те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами хуннского общества.

В то же время, интерпретируя результаты статистического анализа погребальных комплексов мужских захоронений, следует учитывать

выдвинутое ранее одним из авторов этой книги предположение, что кочевое скотоводческое население Юго-Западного Забайкалья представляло собой самостоятельную административно-территориальную единицу имперской иерархии, возглавляемую вождем в ранге «темника» (Крадин 1999). Исходя из этого можно предположить, что элитные курганы в могильниках Ильмовая падь, Оргойтон, Царам, Хухундэр были возведены в память высших региональных вождей и их ближайших родственников.

Кто это были – эмиссары «золотого рода» Люаньди или же члены других знатных кланов (Хуянь, Лань, Сюйбу, Цюлинь) – едва ли на данный вопрос можно будет получить точный ответ. Нельзя отрицать и вероятность, что часть из этих могильников могла принадлежать каким-либо группам элиты, борющейся за власть в период гражданской войны 60-36 гг. до н.э., или же была оставлена правителями какой-то из групп северных хунну уже после гибели степной империи. Очевидно одно – власть на протяжении двух с лишним столетий переходила из рук в руки, что и отражает наличие на данной территории нескольких разных родовых могильников.

Элитные курганы резко противопоставлены захоронениям кочевников, имевших более низкий статус. Здесь можно говорить как об отличиях в погребальном обряде и разнообразии сопроводительного инвентаря между могильниками в целом, так и об отличиях между отдельными общественными группами (субкластерами погребений). Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, воздвигнувших эти погребальные комплексы, внутриэтнической (межплеменной) спецификой и хронологическими отличиями разных этапов истории хунну.

Количество труда, вложенное в захоронения курганных могильников Ильмовая и Черемуховая падь, Дырестуйский Култук, в целом больше, чем затраты на погребения грунтового Иволгинского могильника. Это дает основания предположить, что статус кочевников скотоводов был явно выше статуса жителей оседлых земледельческих поселений.

Дифференциация отдельных субкластеров внутри могильников отражает различия между различными социальными рангами хуннского общества. Здесь по отличиям в сопроводительном инвентаре особенно выделяются самые «богатые» захоронения (кластер 2, Ильмовая падь). Гораздо труднее решить, представителям каких общественных рангов хуннского общества (старейшинам, простымномадам, рабам и т.д.) принадлежат погребения того или иного кластера (субкластера).

Однако это не означает, что подобная интерпретация в будущем останется невозможной. В частности, вряд ли мы сильно ошибемся, если свяжем самые бедные погребения кластера 1 Иволгинского могильника с населением, имевшим рабский или полурабский статус.

Исследование совокупности женских захоронений показывает наличие иерархии у представительниц слабого пола. Необходимо также отметить, что почти в половине из выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни степняков (Смирнов 1964:201; Хазанов 1975:85-86; Кулемзин 1980:166-167; Бунятян 1985:71; Бойко 1986:18; Полосьмак 1997:42 и др.). Однако не находит объяснения факт, что среди оседлого населения (в 3 из 5 субкластеров Иволгинского могильника) предметы вооружения встречались несколько чаще, чем среди спутниц кочевников мужчин.

В захоронениях наиболее знатного могильника Ильмовой пади выделяются три социальных ранга: наиболее «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В.

Таблица 19

Женские погребения хунну Забайкалья

могильник	кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1В	безинвентарные погребения
	1АА	Кермика
	1АВ	инвентарь (в т.ч. керамика)
	2А	более разнообразный инвентарь (в т.ч. сбруя, монеты, украшения)
	2В	еще более разнообразный инвентарь, заупокойная тризна
Дырестуйский Култук	1В	разнообразный инвентарь, тризна
	2	разнообразный инвентарь, тризна+КРС, вооружение
	1А	еще более разнообразные украшения, тризна+КРС
Черемуховая падь	2	более разнообразный инвентарь
	1	разнообразный инвентарь
Ильмовая падь	1В	бедный инвентарь
	2	разнообразный инвентарь
	1А	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)

В женских захоронениях Черемуховой пади, в отличие от мужских, выделено два общественных слоя: несколько более «богатые» погребения кластера 2 и несколько более «бедные» могилы кластера 1.

Анализ погребений могильника Дырестуйский Култук выявил существование трех социальных подгрупп. Группа 1В сопровождается обычным для простых захоронений инвентарем. Она более бедна, чем группы 1А и 2. Однако между последними группами также есть некоторые отличия. В кластере 2 найдено оружие, кластер 1А отличается большим количеством и разнообразием украшений.

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Здесь выявлено пять рангов. Первая группа погребений (1В) безинвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) – появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) – инвентарь становится разнообразнее (в том числе фиксируются пояс, монеты, разнообразные украшения), в пятой (2В) – данные признаки становятся массовыми, заупокойная тризна более разнообразна.

Как и в погребениях взрослых, в детских захоронениях фиксируется отчетливая разница между курганными (Ильмовая падь, Дырестуйский Култук) и грунтовыми (Иволгинский могильник) погребальными комплексами. Лучше всего социальная дифференциация прослеживается в Иволгинском могильнике, где совокупность детских погребений распределяется на три группы: безинвентарных погребений (субкластер 2ААВ), захоронений с керамикой (субкластер 2ААА), погребений с разнообразным сопроводительным инвентарем (субкластер 2АВ). Отдельно следует рассматривать погребения в сосуде кластера 1, которые условно обозначены как «младенческие».

При сопоставлении различных кластеров погребений детей разных могильников выясняется, что по разнообразию сопроводительно-

го инвентаря они могут быть объединены в две группы: 1) безинвентарные и «бедные» погребения Иволгинского могильника (кластер 1, субкластеры 2ААА, 2ААВ, 2В); 2) погребения Дырестуйского Култука и Ильмовой пади, к которым примыкает субкластер 2АВ Иволгинского могильника. В целом, это дает основание проследить определенную дифференциацию среди захоронений детей, выделение «богатых» и «бедных» погребений.

Однако необходимо иметь в виду, что в данном случае разнообразие погребального инвентаря далеко не всегда может служить отражением статуса. Если допустить, что ряд погребений детей можно связывать с жертвоприношениями, которые давно были известны у хунну из летописей (Лидай 1958:17; Бичурин 1950а:50; Материалы 1968:40), то богатство инвентаря, скорее, должно выступать показателем высокого социального статуса погребенных мужчин.

Разумеется, все сформулированные нами выводы и предположения не претендуют на окончательные. Слишком уж мало имеется в настоящее время материалов для исследования и интерпретации (всего четыре могильника), практически неразработанными остаются вопросы хронологии хуннских памятников. Однако хотелось бы надеяться, что полученные результаты помогут в дальнейшем изучении различных проблем археологии хунну.

Интересно сопоставить эти выводы с аналогичными исследованиями общественной структуры других древних кочевников Евразии. Отчасти подобная социальная структура прослеживается у саков, юзжей, усуней и других древних кочевых народов так называемого скифо-сибирского степного мира. Исследователями выделяются: 1) «царские» курганы с уникальными сокровищами; 2) богатые курганы средних размеров, принадлежащие кочевой аристократии и дружинникам («племенной знати»); 3) малые курганы со скромным сопроводительным инвентарем (Руденко 1952: 54-55; Акишев, Кушаев 1963: 86; Грач 1975: 161-166; 1980: 46-48; Мартынов, Алексеев 1986: 110-122). Исследования последнего времени, основанные на применении статистических методов анализа археологического материала, фиксируют значительное количество социальных прослоек и подгрупп (Матвеева 2000; Тишкин, Дашковский 2001; Дашковский 2002 и др.).

Впрочем, возможно, более репрезентативно сопоставление хуннского общества со Скифской кочевой империей. Согласно исследованиям украинских археологов, социальная структура Скифии имела сложный многоярусный характер: «цари» и высшая кочевая аристократия (0,5%), вожди племен и старейшины (5-6%), зажиточные скотовладель-

Таблица 20

Детские погребения хунну Забайкалья

могильник	Кластер	сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1	погребения в сосуде
	2ААВ	безинвентарные погребения
	2ААА	керамика
Дырестуйский Култук	2АВ	инвентарь (в т.ч. керамика)
	1А	инвентарь (девочки?)
Ильмовая падь	2	инвентарь (мальчики?)
		дифференциация не выявлено

цы (15-20%), простые номады (60-70%), малоимущие группы (6-8%) (Бунятян 1981; 1985; Генинг 1984 табл. I; Генинг и др. 1990: 206 табл. XXXI).

В то же самое время необходимо иметь ввиду, что реконструкция социальной структуры по данным археологии демонстрирует только существующие тенденции, однако конкретное соотношение социальных групп различных рангов зависит от имеющейся выборки данных (Тихонов 1989). Нельзя забывать, что Забайкалье являлось северным пограничным форпостом Хуннской империи. Здесь обитала одна или несколько периферийных племенных групп или вожеств, входивших в состав имперской конфедерации. Этот факт необходимо учитывать, в случае экстраполяции сделанных нами выводов на все хуннское общество в целом.

На территории собственно Монголии имеются гораздо более пышные погребальные комплексы хуннской элиты, принадлежащие не провинциальным вождям, а представителям Золотого рода Люаньди. Определенно ясно, что несколько другую функциональную роль выполняли и хуннские городища на территории Монголии (иначе чем объяснить, например, отсутствие черепицы на городищах в Бурятии). Можно также допустить, что при исследовании массива хуннских погребений из Монголии будут выделено несколько иное количество социальных групп, другим будет и соотношение между ними. Однако рассмотрение всех этих вопросов, также как и проблема хронологии и локальных вариантов хуннской культуры — это, несомненно, задача других исследований, для осуществления которых предварительно необходимо систематизировать всю имеющуюся информацию о раскопанных погребениях хунну на территории России, Монголии и Китая.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А.К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.
- Акишев К.А. 1986. *Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. - V в. н. э.)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Акишев К.А. 1994. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб.: 8-11.
- Акишев К.А. Кушаев Г.А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. Алма-Ата. Изд-во АН СССР.
- Алекшин В.А. 1975. К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии: (по материалам могильников). *Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана*. Отв. ред. В.М.Массон. Л.: 74-80.
- Алекшин В.А. 1977. *Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Алекшин В.А. 1986. *Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ*. Л.: Наука.
- Амоглонов А.А. 1996. Курганы хуннской знати в Ильмовой пади. *Археология, палеоэкология и этнология Сибири и дальнего Востока*. Тез. докл. XXXVI РАСК. Иркутск. Ч. 2:92-93.
- Амоглонов А.А., Филиппова И.В., Коновалов П.Б., Данилов С.В. 1998. К вопросу о происхождении памятников хуннской знати. *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока*. Тез. докл. XXXVIII РАЭСК. Улан-Удэ: 39-42.
- Ануфриев Д.Е. 1997. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая. *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири*. Барнаул: 108-111.
- Артемова О.Ю. 1991. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества. *Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития*. развития Отв. ред. А.В.Коротаев и В.В.Чубаров. Вып.1. М.: 44-91.
- Артемова О.Ю. 1993. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации. *Ранние формы социальной стратификации*. Отв. ред. В.А.Попов. М.: 40-71.
- Афанасьев Г.Е. 1993а. *Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. М.: Наука.
- Афанасьев Г.Е. 1993б. Перекрестное сравнение методик реконструкции социальной стратификации общества. *Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев)*. Отв. ред. Г.Е.Афанасьев. М.: 3-12.
- Афанасьев Г.Е. 1996. Маяцкий могильник в системе салтовской погребальной обрядности. К проблеме информативности параметрических харак-

- теристик. *Компьютеры в археологии*. Отв. ред. Г.Е.Афанасьев и др. М.: 17-30.
- Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А.** 1994. Социальная структура кочевников савроматского времени. *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской сарматии*. Вып. I. *Савроматская эпоха*. Отв. ред. М.Г.Мошкова. М.: 159-184.
- Бернштам А.Н.** 1935. К вопросу о социальном строе восточных гуннов. *Проблемы истории докапиталистических обществ*, № 9-10: 226-234.
- Бернштам А.Н.** 1951. *Очерк истории гуннов*. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Бичурин Н.Я.** (перев.) 1950аб [1851]. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. I.-II.
- Бишони Р.** 1994. Погребальный обряд как источник для исторической реконструкции. *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской сарматии*. Вып. I. *Савроматская эпоха*. Отв. ред. М.Г.Мошкова. М.: 153-157.
- БНМАУ-ын туух 1966 [История МНР]: *Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын Туух*. Боть 1. *Нэн эртнээс XVII зуун I Тэргүүн* редактор Ш.Нацагдорж. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хорос.
- Бобров В.В.** 1997. Историография и современное состояние изучения социальной организации древних обществ в археологии. *Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация*. Мат. Всеросс. конференции. Кемерово: 3-7.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И.** 1997. Проблемы использования методов реконструкции в системе палеосоциологических исследований древнего общества. *Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация*. Мат. Всеросс. конференции. Кемерово: 7-11.
- Бобровиков В.П., Бобровиков И.П.** 1997. *STATISTICA – Статистический анализ и обработка данных в среде WINDOWS*. М.: Фелинь.
- Бойко Ю.Н.** 1986. *Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII-III вв. до н. э.)*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.** 1994. Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб.: 49-52.
- Бондаренко Д.М., Коротчаев А.В.** 2002 (отв. ред.) *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: ЦЦРИ РАН
- Бородкин Л.И., Гарскова И.М.** 1994. Методика анализа многомерных иерархических данных. *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской сарматии*. Вып. I. *Савроматская эпоха*. Отв. ред. М.Г.Мошкова. М.: 87-126.
- Бунятян Е.П.** 1981. *Рядовое население степной Скифии IV-III вв. до н. э.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Бунятян Е.П.** 1982. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников. *Теория и методы археологических исследований*. Отв. ред. В.Ф.Генинг. Киев: 136-184.
- Бунятян Е.П.** 1985. *Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.
- Бурдые П.** 1993. *Социология политики*. М.: Socio-Logos.
- Варенов А.В.** 1996. Датировка оружия, изображенного на оленных камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников ранних Сяунну. *Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*. Тез. докл. Ч. I. Улан-Удэ, 1996: 3-6.
- Варенов А.В.** 2000. Городище Цзяохэ в Турфанской впадине и проблема хуннского присутствия в Восточном Туркестане. *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии*. Мат. межд. конф. Отв. ред. Б.В.Базаров. Т. I. Улан-Удэ: 129-132.
- Варенов А.В., Полосьмак Н.В.** 1989. Новые образцы поясных пластин гуннского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*. Ч. II. Кемерово: 110-114.
- Васютин С.А.** 1998. *Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Васютин С.А.** 1999. К палеосоциологической оценке материалов Дырестуйского могильника. *Экология древних и современных обществ*. Тез. докл. Тюмень: 150-151.
- Васютин С.А.** 1999а. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений. *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: 31-35.
- Васютин С.А.** 2002. Типология потестарных и политических систем кочевников. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. Отв. ред. Н.Н.Крадин и Д.М.Бондаренко. М.: 86-98.
- Васютин С.А., Юматов К.В.** 1996. Генезис кочевой государственности сяунну в контексте исторических аналогий. *Современные проблемы гуманитарных наук*. Сб. статей молодых ученых Кузбасса. Вып. 1. Кемерово: 18-24.
- Волков Ю.Г., Мостовая И.В.** 1998. *Социология*. М.: Гардарика.
- Воронин В.Т., Бородовский А.П.** 1999. Возможности палеодемографического анализа Иволгинского могильника. *Экология древних и современных обществ*. Тез. докл. Тюмень: 152-154.
- Гаврилюк Н.А.** 1989. *Домашнее производство и быт степных скифов*. Киев: Наукова думка.
- Гаврилюк Н.А.** 1999. *История экономики Степной Скифии. VI-III вв. до н.э.* Киев: Изд-во ИА НАНУ.
- Гаврилюк Н.А.** 2000. *Степная Скифия VI-IV вв. до н.э. (эколого-экономический аспект)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Галанина Л.К.** 1994. О критериях выделения «царских» курганов раннескифской эпохи. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб.: 76-81.

- Гей А.Н.** 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур степного Прикубанья). *Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев)*. Отв. ред. Г.Е.Афанасьев. М.: 42-77.
- Генинг В.Ф.** 1984. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV-III вв. до н. э. по археологическим данным. *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Отв. ред. В.Ф.Генинг. Киев: 124-152.
- Генинг В.Ф., Борзунов В.А.** 1975. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда. *Вопросы археологии Урала*, Вып.13, Свердловск: 42-72.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.** 1990. *Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)*. Киев: Наукова думка.
- Генинг В.Ф., Генинг В.В.** 1985. Метод определения древних ориентировок погребенных по сторонам горизонта. *Археология и методы исторических реконструкций*. Отв. ред. В.Ф.Генинг. Киев: 136-152.
- Геродот** 1972. *История*. Л.: Наука.
- Годинер Э.С.** 1991. Политическая антропология о происхождении государства. *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения*. Отв. ред. С.Я.Козлов, П.И.Пучков. М.: 51-78.
- Горяев В.С.** 1997. Количественный анализ предметов погребального инвентаря и половозрастная структура (по материалам ирменской культуры Кузнецкой котловины). *Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Мат. Всеросс. конференции*. Кемерово: 34-39.
- Грач А.Д.** 1975. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии). *Социальная история народов Азии*. Отв. ред. А.М.Решетов и Ч.М.Таксами. М.: 158-182.
- Грач А.Д.** 1980. *Древние кочевники в центре Азии*. М.: Наука.
- Грачева Г.Н.** 1975. Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей севера западной Сибири. *Социальная история народов Азии*. Отв. ред. А.М.Решетов и Ч.М.Таксами. М.: 126-142.
- Гуляев В.И.** 1990. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии. *Краткие сообщения института археологии № 201*. М.: 103-109.
- Гумилев Л.Н.** 1960. *Хунну. Срединная Азия в древние времена*. М.: Изд-во вост. лит-ры.
- Давыдова А.В.** 1975. Об общественном строе хунну. *Первобытная археология Сибири*. Отв. ред. А.Н.Мандельштам. Л.: 141-145.
- Давыдова А.В.** 1982. О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника. *Советская археология*, № 1: 132-142.
- Давыдова А.В.** 1985. *Иволгинский комплекс (городище и могильник) - памятник хунну в Забайкалье*. Л.: Изд-во ЛГУ.

- Давыдова А.В.** 1995. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. I. *Иволгинское городище*. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение».
- Давыдова А.В.** 1996. *Иволгинский археологический комплекс*. Т. II. *Иволгинский могильник*. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение» (Археологические памятники сунну. Вып. 2.).
- Данилов С.В.** 1996. К проблеме городов Хунну. *Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*. Тез. докл. Ч. I. Улан-Удэ: 20-22.
- Данилов С.В.** 1998. Раскопки здания на хуннском городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Отв. ред. Н.Н.Крадин. Владивосток: 111-114.
- Данилов С.В.** 1999. Ильмовая падь – некрополь хунну. *Палеоэкология человека Байкальской Азии*. Отв. ред. Л.В.Лбова. Улан-Удэ: 81-86.
- Данилов С.В.** 2002. Города в кочевых обществах Центральной Азии. *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. Отв. ред. М.В.Константинов и А.Д.Цыбиктаров. Улан-Удэ-Чита: 143-149.
- Данилов С.В., Жаворонкова Т.Д.** 1995. Городище Баян Ундэр - новый памятник хунну в Забайкалье. *Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии*. Отв. ред. П.Б.Коновалов. Улан-Удэ, 1995: 26-36.
- Данилов С.В., Филипова И.В., Амоголонов М.А.** 1998. Китайские зеркала из памятников хунну. *Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Отв. ред. Н.Н.Крадин. Владивосток: 115-121.
- Дашковский П.К.** 2002. *Социальная структура и система мировоззрений населения Горного Алтая скифского времени*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Добролюбовский А.О.** 1978. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда. *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев: 107-119.
- Добролюбовский А.О.** 1982. О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда. *Теория и методы археологических исследований*. Киев: 54-68.
- Доржсурэн Ц.** 1961. *Умард хунну [Северные хунну]*. Улан-Баатар (на монг. яз.).
- Дюк В.П.** 1997. *Обработка данных на ПК в примерах*. СПб: Питер.
- Елин В.Н.** 1989. О социальной структуре населения гунно-сарматского времени Восточного Алтая (предварительные наблюдения). *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*. Тез. Ч. 1. Кемерово: 119-121.
- Железчиков Б.Ф.** 1984. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. - I в. н.э. по демографическим и экологическим данным. *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Отв. ред. А.И.Мелюкова и др. М. С. 65-68.

- Задыхина К.Л.** 1951. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. *Родовое общество*. М.: 157-179 (*Труды Института этнографии, нов. сер.*, Т.XIV)
- Иванов М.С.** 1961. *Племена Фарса. Кашкайские, хасе, кухгилуйе, мамасани*. М.: Изд-во АН СССР. (*Труды института этнографии, нов. сер.*, Т. LXIII).
- Калиновская К.П.** 1976. *Возрастные группы народов Восточной Африки*. М.: Наука.
- Каменецкий И.С.** 1986. Код для описания погребального обряда. *Археологические открытия на новостройках*. Вып.1. М.: 136-194.
- Кислый А.Е.** 1985. К вопросу о половозрастной дифференциации в среде срубных племен. *Археология и методы исторических реконструкций*. Отв. ред. В.Ф.Генинг. Киев: 169-177.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** 1994. *Степные империи Евразии*. СПб.: Фарн.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.** 2000. *Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Книга Марко Поло*. 1956. Пер. И.П.Минаева. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры.
- Ковалев А.А.** 2002. О происхождении хунну. *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. Отв. ред. М.В.Константинов и А.Д.Цыбиктаров. Улан-Удэ-Чита: 103-131.
- Колесников А.Г.** 1985. Некоторые вопросы половозрастной стратификации поздне трипольского населения Среднего Поднепровья. *Археология и методы исторических реконструкций*. Отв. ред. В.Ф.Генинг. Киев: 152-168.
- Комиссаров С.А.** 1983. Новые находки гуннских памятников в Китае. *XIV научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Тез. и докл. Ч.2. М.: 25-28.
- Коновалов П.Б.** 1975. *Погребальные памятники хунну*. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск.
- Коновалов П.Б.** 1976. *Хунну в Забайкалье (погребальные памятники)*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во.
- Коновалов П.Б.** 1980. К коллекции хуннских бронз. *Советская археология*, № 4: 263-268.
- Коновалов П.Б.** 1985. Некоторые итоги и задачи изучения хунну. *Древние культуры Монголии*. Отв. ред. Р.С.Васильевский. Новосибирск: 41-50.
- Коновалов П.Б.** 1996. О происхождении и ранней истории Хунну. *Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм - прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен*. Тез. докл. Ч. I. Улан-Удэ: 58-63.
- Коновалов П.Б., Цыбиктаров А.Д.** 1988. Некоторые материалы из новых хуннских памятников Забайкалья и Монголии. *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье*. Улан-Удэ: 95-107.
- Кореняко В.А.** 1979. *Степное население юго-востока Европы в эпоху перехода от бронзы к железу (по материалам погребений)*: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М.
- Кореняко В.А.** 1990. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа). *Советская археология*, № 2: 28-40.
- Коробов Д.С.** 1996. Опыт многомерного статистического анализа материалов могильника Мокрая Балка I. *Компьютеры в археологии*. Отв. ред. Г.Е.Афанасьев и др. М.: 57-75.
- Крадин Н.Н.** 1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н.Н.** 1999. *Империя Хунну (структура общества и власти)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Крадин Н.Н.** 2000. Имперская конфедерация Хунну: социальная организация суперсложного вожества. *Ранние формы социальной организации*. Отв. ред. В.А.Попов. СПб.: 195-223.
- Крадин Н.Н.** 2001. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок. *Восток*, № 5: 21-32.
- Крадин Н.Н.** 2001а. *Политическая антропология*. М.: Ладомир.
- Крадин Н.Н.** 2002. *Империя Хунну*. 2-е из. М.: Логос.
- Крадин Н.Н.** 2002а. Проблемы исследования социальной структуры Хуннской державы. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Отв. ред. Н.Н.Крадин. Владивосток: 96-111.
- Крадин Н.Н.** 2002б. Социальная структура населения Иволгинского городища. *Актуальные проблемы дальневосточной археологии*. Отв. ред. О.В.Дьякова, А.Л.Ивлиев. Владивосток: 235-263 (*Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*, Т. XI).
- Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М.** 2002 (отв. ред.). *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.
- Крадин Н.Н., Лынша В.А.** 1995 (отв. ред.) *Альтернативные пути к ранней государственности*. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А.** 2000 (отв. ред.). *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.
- Кузьмин Н.Ю.** 1994. Курганы элиты тагарского общества. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб.: 127-138.
- Кулемзин А.М.** 1980. Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе. *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Отв. ред. А.И.Мартынов. Кемерово: 164-169.
- Курочкин Г.Н.** 1980. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Аржан. *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Отв. ред. А.И.Мартынов. Кемерово: 105-117.
- Курочкин Г.Н.** 1989. Евроскифская и тагарская социальные модели. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*. Тез. Ч. 1. Кемерово: 36-39.
- Кычанов Е.И.** 1997. *Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М.: Вост. лит-ра.
- Лбова Л.В., Хамзина Е.А.** 1999. *Древности Бурятии. Карта археологических памятников*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

- Лебедев Г.С.** 1977. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции: (По материалам Скандинавии эпохи викингов). *Краткие сообщения института археологии* 148: 24-30.
- Лидай 1958: *Лидай гэцзу чжуаньцзи хуйбянь* [Собрание сведений о народах различных исторических эпох]. Сост. Цзянь Боцзань и др. Т.1. Пекин (на кит. яз.).
- Мамонова Н.Н.** 1974. К антропологии гуннов Забайкалья: (По материалам могильника Черемуховая падь). *Расогенетические процессы в этнической истории*. М.: 201-228.
- Мамонова Н.Н., Тугутов Р.Ф.** 1969. Раскопки гуннского могильника в Черемуховой пади. *Археологический сборник*. Улан-Удэ. Вып. I: 74-79.
- Марсадолов Л.С.** 1997. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI-IV вв. до н.э. *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири*. Барнаул: 96-99.
- Мартынов А.И., Алексеев В.П.** 1986. *История и палеоантропология скифо-сибирского мира*. Кемерово: Изд-во Кемеровск. ун-та.
- Массон В.М.** 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)*. Л.: Наука.
- Массон В.М.** 1994. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб.: 1-8.
- Матвеева Н.П.** 1989. К методике реконструкции социальной структуры саргатского населения Западной Сибири по данным погребального обряда. *Актуальные проблемы методики западносибирской археологии*. Новосибирск: 151-154.
- Матвеева Н.П.** 1997. Гипотетическая структура саргатского населения Западной Сибири. *Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация*. Мат. Всеросс. конференции. Кемерово: 55-59.
- Матвеева Н.П.** 1997а. Социальный анализ саргатских могильников. *Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири*. Тез. докл. Барнаул: 129-132.
- Матвеева Н.П.** 2000. *Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны)*. Новосибирск: Наука.
- Материалы 1968: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 1. Введ., перевод и коммент. В.С.Таскина. М.: Наука.
- Материалы 1973: *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Вып. 2. Введ., перевод и коммент. В.С.Таскина. М.: Наука.
- Материалы 1984: *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. Введ., перевод и коммент. В.С.Таскина. М.: Наука.
- Ма Чаншоу.** 1962. *Бэй ди юй сюнну* [Северные ди и хунну]. Пекин. (на кит. яз.).
- Медведев А.П.** 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э.* М.: Наука.

- Мертон Р.К.** 1992. Социальная теория и социальная структура. *Социологические исследования*, № 2: 118-124.
- Миняев С.С.** 1985. К топографии курганных памятников сюнну. *Краткие сообщения института археологии*, № 184: 21-27.
- Миняев С.С.** 1987. Дырестуйский могильник и проблема периодизации сюннских памятников. *Ист. чтения памяти М.П.Грязнова. Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Ранее и позднее средневековье*. Тез. докл. Омск, 1987: 117-119.
- Миняев С.С.** 1988. Комплекс погребений 44 в Дырестуйском комплексе. *Краткие сообщения института археологии*, № 194: 99-103.
- Миняев С.С.** 1989. «Социальная планиграфия» погребальных памятников сюнну. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*. Тез. Ч. 1. Кемерово: 114-117.
- Миняев С.С.** 1990. «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну. *XXI научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Отв. ред. А.Н.Хохлов. Тез. докл. Ч. 2: 149-153.
- Миняев С.С.** 1992. Изучение погребений сюнну в Забайкалье. *Археологические вести* № 1: 107-115.
- Миняев С.С.** 1998. *Дырестуйский могильник*. СПб.: Азиатика (Археологические памятники сюнну. Вып. 3.).
- Миронов В.С.** 1997. К вопросу о реконструкции этно-социальной структуры населения долины Средней Катунь в скифское время. *Известия лаборатории археологии*, № 2. Горно-Алтайск: 13-19.
- Молодин В.И., Кан Ин Ук.** 2000. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы. *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 3: 89-99.
- Мошкова М.Г.** 1994 (отв.ред). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. I. *Савроматская эпоха*. М.
- Мошкова М.Г.** 1997 (отв.ред). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. II. *Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.)*. М.
- Павленко Ю.В.** 1989. *Раннеклассовые общества*. Киев: Наукова думка.
- Панов В.А.** 1916. *К истории народов Средней Азии*. Вып. 1. Сюнну (Хунну). *Турецкое происхождение народа Сюнну (Хунну) китайских летописей*. Владивосток: Изд-во А.В.Даттона.
- Панов В.А.** 1918. *К истории народов Средней Азии*. Вып. 2. Владивосток: Изд-во А.В.Даттона.
- Парсонс Т.** 1998. *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.
- Певцов М.В.** 1951. *Путешествия по Китаю и Монголии*. М.: Географиздат.
- Плано Карпини.** 1957. *История Монгалов. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Отв. ред. Н.П.Шастина М.: 23-83.
- Плетнева С.А.** 1993. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности. *Российская археология*, № 4: 160-172.

- Полосьмак Н.В.** 1990. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры. *Китай в эпоху древности*. Новосибирск: 101-107.
- Полосьмак Н.В.** 1997. *Пазырыкская культура: реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Полосьмак Н.В.** 2001. *Всадники Укока*. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.
- Попов В.А.** 1981. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества: (к постановке проблемы). *Советская этнография*, № 6: 89-97.
- Попов В.А.** 1990. *Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках*. М.: Наука.
- Пржевальский Н.М.** 1875. *Монголия и страна тангутов*. Т. I. СПб.
- Пустовалов С.Ж., Черных Л.А.** 1982. Опыт применения формализованно-статистических методов для половозрастного анализа погребений. *Методологические и методические вопросы археологии*. Отв ред. В.Ф.Генинг. Киев: 105-140.
- Пустовалов С.Ж.** 1995. О возможности реконструкции сословно-классовой системы по археологическим материалам. *Древности Степного Причерноморья и Крыма*. Т. V. Запорожье: 21-32.
- Руденко С.И.** 1952. *Горноалтайские находки и скифы*. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Руденко С.И.** 1962. *Культура хуннов и ноинулинские курганы*. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Рыбина Е.В.** 1997. Применение статистических методов при обработке материалов погребальных комплексов (обзор литературы). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. III. Новосибирск: 441-447.
- Савенко С.Н.** 1989. *Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X-XII вв.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Скрынникова Т.Д.** 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Вост. литра.
- Смелзер Н.** 1998. *Социология*. М.: Феникс.
- Смирнов К.Ф.** 1964. *Савроматы*. М.: Наука.
- Сорокин П.** 1992. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат.
- Сосновский Г.П.** 1935. Дырестуйский могильник. *Проблемы истории докапиталистических обществ*, № 1-2: 168-76.
- Сосновский Г.П.** 1946. *Раскопки Ильмовой пади*. Советская археология, VIII: 51-58.
- Субботин А.В.** 1994. К вопросу о социальной структуре тагарского общества. *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. СПб.: 193-195.
- Суразаков А.С.** 1983. О социальной стратификации пазырыкцев. *Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая*. Горно-Алтайск: 72-87.

- Суразаков А.С.** 1992. О некоторых проблемах изучения социальных отношений Горного Алтая эпохи раннего железа. *Материалы к изучению прошлого Горного Алтая*. Горно-Алтайск: 48-56.
- Сухбаатар Г.** 1975. Хунну нарын нийгмийн байгууллын тухай асуудлаас [К вопросу об общественном строе хуннов]. *Туухийн судлал*, Т. X. Уланбаатар: 145-175.
- Сухбаатар Г.** 1980. *Хунну нарын аж ахуй, нийгмийн байгуулал, соёл, угсаа гарал* (м. э. в. IV - м. э. II зуун) [Хозяйство, общественный строй, культура, этническое происхождение гуннов (IV в. до н. э. - II в. н. э.)]. Улан-Батор (на монг. яз.).
- Сэр-Оджав Н.** 1971. *Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. - XII в. н.э.)*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** 1899. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. *Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО*. 1898 г. Т. 1, Вып. 2. М.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** 1902. Материалы к палеознологии Забайкалья. *Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО*. 1900 г. Иркутск, Т. III, Вып. 2-3: 9-32; Т. IV, Вып. 2: 32-59.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** 1928. *Население древних могил и кладбищ забайкальских*. Верхнеудинск.
- Талько-Грынцевич Ю.Д.** 1999. *Материалы к палеознологии Забайкалья*. Под ред. С.С.Миняева. СПб.: Фонд Азиатика (Археологические памятники сюнну. Вып. 4.).
- Таскин В.С.** 1968. Скотоводство у сюнну по китайским источникам. *Вопросы истории и историографии Китая*. Отв. ред. Л.И.Думан. М.: 21-44.
- Таскин В.С.** 1973. Предисловие. *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)*. Введ., перевод и коммент. В.С.Таскина. Вып. 2. М.: 3-17.
- Таскин В.С.** 1984. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов. *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. Введ., перевод и коммент. В.С.Таскина. М.: 3-62.
- Тихонов С.С.** 1989. О достоверности социальных реконструкций в археологии. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*. Тез. Ч. 1. Кемерово: 34-36.
- Тихонов С.С.** 1993. *Анализ структуры населения Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Тишкин А.А.** 1997. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени. *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири*. Барнаул: 93-95.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** 2001. Социально-политическая организация населения горного Алтая скифской эпохи (по материалам исследований 1960-1990-х гг.). *Историко-культурное наследие Северной Азии*. Барнаул: 134-149.
- Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И.**, 1994. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ. *Этнографическое обозрение*, № 1: 49-62.

- Трифонов Ю.И.** 1989. К вопросу об археологических критериях социальной стратификации восточноевропейских саков. *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения)*. Тез. Ч. 1. Кемерово: 45-49.
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** 1980. Нэй Мэнгу Алучжайдэн фасяньды сюнну му [Хуннские вещи, найденные в Алучжайдэн, Внутренняя Монголия]. *Каогу*, № 4: 333-338 (на кит. яз.).
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** 1980а. Сигоупань сюнну му фаньиньды чжу вэньты [Проблемы, связанные с хуннским могильником Сигоупань]. *Вэньу*, № 7: 13-17 (на кит. яз.).
- Федоров-Давыдов Г.А.** 1987. *Статистические методы в археологии*. М.: Высшая школа.
- Флёров В.С.** 1993. О социальном строе в Хазарском каганате (на материалах Маяцкого могильника). *Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев)*. Отв. ред. Г.Е.Афанасьев. М.: 119-133.
- Фролова М.А.** 1995. *Политическая стратификация*. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Хазанов А.М.** 1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
- Хазанов А.М.** 2000. *Кочевники и внешний мир*. Алматы: Дайк-Пресс.
- Харке Г., Савенко С.Н.** 2000. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии. *Российская археология*, № 1: 217-226.
- Харке Г., Савенко С.Н.** 2000а. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии. *Российская археология*, № 2: 212-220.
- Хартман Г.** 1972. *Современный факторный анализ*. М.: Статистика.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.** 2002. *Кочевая цивилизация Восточного Туркестана*. Учеб. пособие. Новосибирск.
- Цзэвэндорж Д.** 1985. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972-1977 гг.). *Древние культуры Монголии*. Отв. ред. Р.С.Васильевский. Новосибирск: 51-87.
- Яценко С.А.** 2002. *Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции*: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Abrams E.M.** 1989. Architecture and Energy: An Evolutionary Perspective. *Archaeological Method and Theory*. Volume I. Ed. by M.B.Schiffer. Tucson: 47-87.
- Adams R.** 1975. *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin: University of Texas Press.
- Barfield T.** 1981. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy. *Journal of Asian Studies* XLI (1): 45-61.
- Barfield T.** 1992. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge: Blackwell (First published in 1989).
- Binford L.** 1971. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential. *Memories of the Society for American Archaeology* 25: 6-28.

- Claessen H.J.M. and P.Skalnik 1978 (eds.).** *The Early State*. The Hague: Mouton.
- Claessen H.J.M. and P.Skalnik 1981 (eds.).** *The Study of the State*. The Hague etc.
- Cohen R., and E. Service 1978 (eds.).** *The Origin of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Derevencki J.C.** 1997. Linking age and gender as social variables. *Ethnographische-archaologische Zeitschrift* 38 (3-4): 485-493.
- Earle T.** 1991 (ed. by). *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Egami Namio.** 1948. *Yurashiya Kodai Hoppo Bunka (kodo bunka ronko)* [The Northern Culture in Ancient Eurasia (The Essay in the Hsiung-nu culture)]. Kyoto [in Japanese].
- Fried M.** 1967. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. N.Y.: Columbia Univ. Press.
- Gailey C., and T. Patterson 1988 (eds.).** *Power Relations and State Formation*. Washington, D.C.
- Gibson G.** 1984. *Anthropological archaeology*. New York: Columbia University Press.
- de Groot 1921 (ubrsz.).** *Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit*. Bd. I. Berlin – Leipzig: de Gruyter.
- Haas J.** 1982. *The Evolution of the Prehistoric State*. N.Y.: Columbia University press.
- Hodder J.** 1976. *Reading the past: Current approaches to interpretation in archaeology*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Khazanov A.M.** 1984. *Nomads and the Outside World*. Cambridge: Cambridge University press.
- Kradin N.N.** 2000. Hsiung-nu (200 BC – 48 AD). *Civilizational models of politogenesis*. Ed. by D.M. Bondarenko and A.V. Korotayev. Moscow: 278-304.
- Kradin N.N., Danilov S.V., Konovalov P.B.** 2000. Social Structure of the Transbaikalian Hsiung-nu. *International Conference «Hierarchy and Power in the History of Civilizations»*. Abstracts. Moscow: 72-73.
- Mori Masao** 1973. Reconsideration of the Hsiung-nu state - a response to Professor O.Pritsak's criticism. *Acta Asiatica* 24: 20-34.
- Owen L.R.** 1997. Geschlechterrollen und die Interpretation von Grabeigaben: Nadeln, Pfeilspitzen. *Ethnographische-archaologische Zeitschrift* 38 (3-4): 502-504.
- Pader E.J.** 1982. *Symbolism, Social Relations and the Interpretation of Mortuary Remains*. Oxford: British Archaeological Reports International Series, 130.
- Parker-Pearson M.** 2001. *The Archaeology of Death and Burial*. College Station: Texas A&M University Press.
- Pritsak O.** 1954. Die 24 Ta-ch'en: Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche. *Oriens Extremus* 1: 178-202.
- Schlette F.** 1987. Zur Lebensweise und Stellung der Frau bei den skythischen Stämmen. *Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift* 28 (2): 232-248.
- Service E.** 1975. *Origins of the State and Civilization*. N.Y.: Norton.

- Southal A.** 1991. The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production. *Early State Economics*. Ed. by H.J.M.Claessen & P.van de Velde. New Brunswick & London: 75-96.
- Tainter J.A.** 1975. Social inference and mortuary practices: an experiment in numerical classification. *World Archaeology* 7: 1-15.
- Tainter J.A.** 1978. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems. *Advances in archaeological method and theory*. Vol. 1. Ed. by M.Schiffer. New York etc.: 106-141.
- Yamada Nobuo** 1982. Formation of the Hsiung-nu nomadic state. *Acta Orientalia Hungaricae* 36 (1-3): 575-582.
- Wason P.K.** 1994. *The Archaeology of Rank*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Watson B.** 1961ab (trans.). *Records of the Grand Historian of China from the Shih Chi of Ssu-ma Ch'en*. Vols. 1-2. New York: Columbia Univ. press.

SUMMARY

Kradin, Nikolay N., Sergey V. Danilov and Prokopi B. Kononov. **SOCIAL STRUCTURE OF THE TRANSBAIKAL HSIUNG-NU.** Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 106 p.

Introduction

The Hsiung-nu (Hunns) history is one of the most interesting pages of the ancient Eurasian steppes history. On the brink of the 3rd and 2nd centuries B.C. the Hsiung-nu established the first steppe empire which consolidated many ethnic groups of Inner Asia. In the end of the 1st century A.D. the Hsiung-nu era in the Inner Asia was over and the new period of her history, the Hun invasion to the West and their devastating conquests in the Old World, began. Many researchers find, for good reasons, numerous analogies in the economy, sociopolitical systems, and culture of the Hsiung-nu and Huns, on the one hand, and of the medieval empires of the Turks and Mongols, on the other hand.

This study is based on both written (de Groot 1921; Watson 1961; Материалы 1968, 1973) and archaeological (Коновалов 1976; Давыдова 1995, 1996; Миняев 1998; Талько-Грынцевич 1999) sources.

Structure of the Hsiung-nu empire

The Hsiung-nu tribal confederation was the first nomadic empire in Central Asia. It appeared on the brink of the 3rd and 2nd centuries B.C. The main reason for its appearance was the necessity to resist active penetrations and acculturation from the south. Military and political talents of Mao-tun, the empire's founder, played a great part in this resistance.

The Hsiung-nu Nomadic Empire was a tribal one. It was a tribal confederation in the sphere of internal relations, and also was a military «xenocratic» nomadic state in relations with other peoples. Every pastoral nomad (chief, retainer, ordinary pastoralist) was included into the social structure or, in other words, into the system of unequal genealogical statuses embracing tribes and clans. At the same time this nomad was a warrior and occupied his place in the «decimal» classification (private, foreman, commander of a hundred [of warriors], etc.).

The balance of the Shan-yu's power was based on his ability to organize military campaigns and to get redistributive profits from merchant operations and raids. Granting gifts to his subjects, Shan-yu enjoyed the monopoly for persuading his policy and international contacts. The Hsiung-nu were successful in their frontier strategy towards China. During the first period (200-133 B.C.) the Hsiung-nu practiced methods of distant exploitation (intermittent raids on China with subsequent extortion of «gifts» and peaceful trade). The second period (129-71 B.C.) was that of active Han onslaught on the Hsiung-nu. Notwithstanding drains of blood from both sides, there was no winner in those wars. The third period (56 B.C.-9 A.D.)

saw a civil war in the steppe and peaceful co-existence with China accompanied by extortion of immense «gifts» after that. The fourth period (9-48 A.D.) is analogous to the first one. During 250 years China was not able to cope with the Hsiung-nu problem. The nomadic empire of the Hsiung-nu collapsed in the result of an ecological catastrophe of 44-46 A.D., «overproduction» of elite and struggle for power within it.

The Hsiung-nu social structure was of many levels of hierarchy. The top level of the social pyramid was occupied by the Shan-yu and his relatives (the Luan-ti clan). Other noble clans representatives, tribal chiefs and service nobility enjoyed the next rank. The most numerous social group, economically independent common pastoral nomads, was ranked below it. At the bottom of the social pyramid different dependent categories (impoverished nomads, semi-vassal sedentary peoples, tributaries, captives engaged in agriculture and handicraft and, possibly, slaves) lay (for detail see: Kradin 2000; Крадин 2002, summary).

Methods

For the purpose of studying social stratification by archaeological sources, one can take an assumption according to which the efficiency of power is defined by the scale of control over the sources of energy (productive resources, spoils, commodity turnover etc.), energy accumulators (warehouses, for nomads - herds of cattle, treasure houses etc.) and by control over redistribution of the energetic flows (Adams 1975). Consequently, the higher one's status was, the more splendid was the stock lowered together with him to the grave. However, many so called «royal» burials of ancient civilizations and cultures were pillaged. For this reason, one can agree with those researchers who believe that such a criterion as the amount of power inputs for the burial structures construction usually correlates with the rank of the deceased, his power's volume in this life-time, and can be used for reconstruction of an archaic society's the social structure.

The research procedure presupposes the necessity to perform a number of consecutive operations:

1. Identification of the mortuary ritual peculiarities, compiling of a list of signs, entering information into a computer database (for this purpose, the specialized program STATISTICA 5.0 for WINDOWS).
2. Identification of factors significant for division of the set by age.
3. Division of the set into adult and children burials.
4. Identification of factors significant for division of the array of adult burials by sex.
5. Division of the set into male and female burials.
6. Examination of differences in the mortuary ritual within the homogeneous or uncertain burials.
7. Identification of strong factors relating those of other intragroup clusters with different categories of the grave treasures.
8. Interpretation of the results obtained.

To identify the features significant for those or other sex-age and social groups, the factor analysis was used. For isolation of social groups within the homogeneous sex-age sets, the cluster analysis was applied.

The Transbaikal region

We attempted to extend our ideas about the Hsiung-nu structure by studying the differences between the burials of nomads. For the analysis we selected mate-

cemetery	sex	cluster	grave treasures
Ivolginsky Cemetery	M	1	without grave treasures
		2AA	grave treasures
		2AB	grave treasures +belt
		2B	grave treasures +belt+harness
	W	1B	without grave treasures
		1AA	Ceramic
		1AB	grave treasures (+ceramics)
		2A	more diverse grave treasures (+harness, coin, adornment)
		2B	more diverse grave treasures and offering of food
	CH	1	vessel baby burials
		2AAB	without grave treasures
		2AAA	Ceramic
		2AB	grave treasures (+ceramic)
Dyrestuisky Kultuk	M	1B	diverse grave treasures
		1A	more diverse grave treasures
		2	more diverse grave treasures with adornment
	W	1B	diverse grave treasures, offering of food
		2	diverse grave treasures with offering of food+cattle, weapon
		1A	more diverse adornment, offering of food+cattle
	CH	1	grave treasures (girl ?)
2		grave treasures (boy ?)	
Cheremukhovaya Pad'	M	1	military burials ?
		2	civilian burials ?
	W	1	grave treasures
		2	some more diverse grave treasures
Ilmovaya pad'	M	1B	diverse grave treasures
		1A	more diverse grave treasures (+ mirrors, gold adornment)
		2	mount grave of elite (No 10, 40, 54)
	W	1B	poor grave treasures
		2	diverse grave treasures
		1A	more diverse grave treasures (+ mirrors, gold adornment)
	CH		differences doesn't find

rials from four most extensively studied cemeteries in the Transbaikal region: Ilmovaya pad', Cheremukhovaya pad', Dyrestuisky Kultuk, Ivolginsky cemetery (in total, 426 burials). The study of the cemeteries of the Transbaikal Hsiung-nu revealed a complex social structure and a hierarchical system of ranks traced in different sex-age and national groups of the society.

Conclusion

The richest burials were concentrated on the Ilmovaya pad' cemetery. Here, three ranks are identified in the burials of both men and women. The men's burials of Cheremukhovaya pad' are combined into several different groups possibly reflecting the nature of their activities during life-time. In the women's burials of Cheremukhovaya pad' two groups were revealed. On the Dyrestuisky Kultuk cemetery three ranks are also identified in the burials of both men and women. Four hierarchical ranks for men and five for women were identified on the Ivolginsky cemetery. A certain differentiation of children's burials into «rich» and «poor» ones can be traced (most pronounced differences were found for the Ivolginsky cemetery where 3 or 4 groups were identified). However, it should be noted that a part of children's burials including not the poorest ones was related to sacrificial practices.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Социальный строй Хуннской империи	11
Глава 2. Методика социологической реконструкции погребальных комплексов	26
Глава 3. Иволгинский могильник	36
Глава 4. Дырестуйский Култук	50
Глава 5. Черемуховая падь	62
Глава 6. Ильмовая падь	68
Заключение	80
Список литературы	87
Summary	101

Научное издание

Николай Николаевич КРАДИН,
Сергей Владимирович ДАНИЛОВ,
Прокопий Баторович КОНОВАЛЮВ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ХУНШУ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Художник *Р.В. Гаева*

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного авторами,
минуя ретипировку

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01.08.2001 г. Подписано к печати 01.04.2004 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Усл. п. л. 6,63. Уч.-изд. л. 5,89. Тираж 500 экз. Заказ 68

Отпечатано в типографии ГУП «Издательство "Дальнаука"» ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7